

Константин Рыжов

Эротикон

Сказки и сказания

18+

Константин Владиславович Рыжов

Эротикон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63095151

SelfPub; 2020

Аннотация

Под одной обложкой объединились три повести, и каждая рисует свой особый, неповторимый эротический мир. В «Челен-вухе» отдана дань первобытной экзотике, здесь создается образ грубоватого, примитивного общества, где, собственно, нет эротики в нашем понимании, поскольку секс и обыденная жизнь перемешаны в одно нерасторжимое целое. В «Июиаде» через любовные приключения богов и богинь представлена эротика классического адюльтера. В «Ватсьяяне» дан срез рафинированного, утонченного общества, где любовь и наслаждение превращаются в изошренную жизненную философию. Мир «Челен-вуха» – жесткий и чуть жутковатый. Мир «Июиады» – ироничный, лукавый, человеческий. Мир «Ватсьяяны» – изысканный и томный, лишенный всяких табу. Переходя от одной повести к другой, читатель не просто перемещается из одной эпохи или из одной части света в другую, но вместе с тем наблюдает, как оттачивается, формируется, наполняется различными смыслами само понимание «эротического».

Содержание

Челен-вух	4
1	5
2	11
3	19
4	24
5	28
6	35
7	42
8	54
9	61
Иоиада	70
1	71
2	80
3	92
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Константин Рыжов

Эротикон

Челен–вух

(По мотивам сказок южноамериканских индейцев)

Мать Огиро сердито сказала мужу:

– Зятёк-то наш оказался большим лентяем! Вот уже три дня прошло после свадьбы, а он и не думает браться за дела!

– Надо напомнить ему о его обязанностях! – отвечал отец Огиро. – Мы не для того выдали замуж свою дочь, чтобы взять в дом бездельника!

Старуха подбежала к маленькой хижине, в которой поселились молодожёны, и громко закричала:

– Эй, Мурашира! Довольно миловаться с женой! Ступай на поле, что возле реки! Пора засеять его кукурузой.

– Успеется! – беззаботно отвечал Мурашира. Он и его молодая жена лежали, обнявшись, в гамаке, и им было очень хорошо вместе.

– Почему ты не работаешь? – спросила Огиро. – Мои родители сердятся на тебя.

– Я хоть сейчас готов отправиться, – откликнулся Мурашира, – если ты пойдёшь со мной.

Женщина не возражала. Они вылезли из гамака и оделись.

– Ступай за инструментами, – велела Огиро, – а я пока соберу нам обед. Можно будет не возвращаться домой до самого вечера.

Она высыпала в горшок тушёные овощи с бобами, взяла кукурузных лепешек и немного какао. Мурашира тем вре-

менем достал острую копалку и мотыгу.

– Мы пошли работать, – сказал он тёще, – не жди нас до вечера.

– А жену зачем с собой тащишь? – набросилась на него старуха. – Опять будет у вас одно баловство!

Но молодые не стали её слушать и со смехом убежали прочь.

– Плохого нашли мы с тобой зятя, – опять пожаловалась мать Огиро мужу. – Работает небрежно. Лишь одно на уме. Вот и тешит себя с утра до вечера!

– Если будет и дальше валять дурака, отберу у него дочь, – решил отец Огиро. – Пусть возвращается обратно к холостякам!

Огиро и Мурашира миновали тем временем деревню и углубились в лес. По пути им попалась старая наполовину разрушенная хижина. Крыша у неё провалилась, стены покосились, но на полу лежало несколько старых циновок.

– Пойдём, отдохнём немного! – предложил Мурашира.

– Какой ещё отдых?! – попыталась образумить его жена. – Знаю я, чем это у тебя кончается!

– Да ладно тебе! – стал урезонивать её муж. – Переждём жару и пойдём дальше. До вечера отсеемся.

И он схватил Огиро за руку.

– Куда ты меня тащишь? – упиралась жена. – Ты же знаешь: эта хижина колдуна Фустоломы!

– Что с того? Он давно умер!

– В том-то и дело! Труп его зарыли под порогом дома. Вдруг он выскочит и набросится на нас?

Но Мурашира не обратил на её слова внимания. Уложив Огиро на циновки, он улёгся сверху, и они занялись любовью. Прошло немало времени, прежде чем оба насытили свою страсть. Наконец, решили продолжить путь.

– Зря ты меня не послушался, – заметила Огиро. – Не стоило делать это над могилой Фустоломы. Теперь он затаит на нас гнев.

– Пустое! – отмахнулся муж. – Что нам стоит обмануть мертвеца? – Я помочусь возле хижины, а ты пойди, справь нужду за теми кустами. Пусть попробует после этого отыскать нас!

Так и поступили. Едва Мурашира и Огиро скрылись за деревьями, земля возле хижины зашевелилась, и поднялся Фустолома. Вид у него был, прямо сказать, неважный: кожа и мясо наполовину сгнили. Тут и там наружу выступали кости. Глаз не оказалось вовсе, а вместо них зияли пустые глазницы. Выбравшись из могильной ямы, мертвец стал шумно втягивать воздух и принюхиваться. Вскоре Фустолома напал на след людей, дошёл до кустов и жадно пожрал найденные там нечистоты. Затем повернул назад и побежал по их следу в сторону деревни...

Мурашира и Огиро до самого вечера спокойно работали на поле. Муж делал заострённой палкой углубления в земле, а жена бросала в каждое из них по пять-шесть зёрен кукуру-

зы. Покончив с посевом, Мурашира засыпал лунки землёй и довольный отёр со лба пот.

– Теперь будем ждать дождей, тогда и займёмся прополкой, – сказал он.

Возвращаясь домой, опять оказались возле обветшалой хижины Фустоломы.

– А неплохо нам с тобой было? – подмигнул муж, – может, заглянем туда ещё раз?

– Отстань! – рассердилась Огиро. – Сколько можно заниматься одним и тем же? Да и не время совсем! Ведь скоро ночь. Едва успеем до дома дойти.

Тут оба заметили на земле капли свежей крови.

– Гляди-ка! – сказал Мурашира. – Здесь недавно пробежал раненный тапир!

Но это был не тапир! Заглянув под куст, Огиро нашла там окровавленную человеческую голову. Мурашира взял её в руки и задумчиво произнёс:

– Кого-то она мне напоминает!

– Ещё бы не напоминала! – воскликнула женщина. – Ведь это голова моего отца!

Вглядевшись повнимательнее, Мурашира тоже признал голову тестя. Не зная, что подумать, молодые бегом бросились домой. Час был поздний, но в деревне никто не спал. Мужчины, вооружившись топорами, собрались на площади перед хижинной вождя. Всюду мелькали факелы. Раздавались пронзительные крики женщин и плач детей.

– Что случилось? – спросила Огиرو у матери.

– Злой дух явился из леса и утащил в чашу твоего отца, – отвечала старуха.

– Никакой это не дух! – заметил вождь. – Это Фустолома, вставший из могилы. Плохо, что он попробовал человечины. Теперь будет приходить за добычей каждую ночь!

Новость никого не обрадовала. Собираясь в кучки, индейцы переговаривались между собой и с тревогой вглядывались в темноту. Некоторые хотели отправиться к хижине Фустоломы, однако вождь остановил их.

– Что толку бродить в темноте? – спросил он. – Да и нет его сейчас в могиле. Таскается, небось, по лесу или кружит вокруг деревни. Подождём до утра.

Едва рассвело, мужчины выступили в поход. Когда добрались до хижины, обнаружили в ней целую кучу человеческих костей и клочки одежды. Вождь велел двоим индейцам разрыть могилу. Остальные стояли рядом с копьями наизготовку. Труп Фустоломы лежал на своём месте, но был весь в свежей крови. Она сочилась с зубов и с пальцев, которыми он разрывал свою жертву. Сквозь дыры в желудки видны были куски человеческого мяса.

– В костёр его! – приказал вождь.

Индейцы набрали хвороста, добыли огонь, и когда костёр как следует разгорелся, бросили в него людоеда. Тело его быстро обуглилось, а кости обратились в прах. Сожгли и саму хижину. Домой вернулись после полудня. Мурашира по-

дошёл к теще и сказал твёрдо:

– Муж твой умер, теперь я в доме главный.

Старуха опустила голову и ничего не возразила в ответ.

Целый день Мурашира бродил по лесу, но так и не смог подстрелить дичь. Ему явно не везло! Ближе к вечеру он вышел на берег реки и тут увидел красивую женщину. Незнакомка, облачённая в одну только узкую набедренную повязку, стояла по колено в воде и стирала бельё. Речная вода, струясь вокруг её стройных ног, уносила с собой тёмные ошмётки золы. Неподалёку играл с камушками маленький мальчик.

Мурашира сказал:

– Я тебя никогда раньше не видел!

– Это от того, – объяснила женщина, – что мне раньше не приходилось здесь бывать. Я Адичаво с верховьев, а мальчик, которого ты видишь, – мой сын.

Тут послышался звук шагов, и на берегу появился рослый индеец с луком за спиной. К его поясу были привязаны пять или шесть убитых уток.

– Это мой муж Амбуамбу, – сообщила Адичаво. – Мы идём с ним в сторону моря.

– Далеко вам ещё добираться! – заметил Мурашира. – Может, зайдёте ко мне, переночуете?

Амбуамбу и его жена не возражали. Посадив на закорки сына, они пошли за их новым знакомым. Когда чужаки появились в деревне, сородичи Мураширы встретили их насто-

роженно. Но Мурашира сообщил:

– Это мои гости!

Придя домой, он познакомил пришельцев со своей женой. После этого Огиро и Адичаво принялись за стряпню, а мужчины присели у порога и закурили трубки.

– Скоро начнутся дожди, – промолвил Мурашира, – не лучше ли вам задержаться у нас и переждать время непогоды?

– Это можно, – согласился Амбуамбу.

Женщины быстро подружились за работой. Вскоре они позвали мужчин ужинать. Уплетая вкусное жареное мясо, Мурашира заметил:

– Адичаво красивая женщина. В нашей деревне таких найдётся немного.

– Огиро тоже недурна, – отвечал Амбуамбу.

Утром Мурашира сказал:

– Я заметил среди твоих вещей наколенники, перчатки и маску. Может, сыграем до завтрака в мяч?

– Почему бы и нет? – согласился Амбуамбу.

Они взяли каучуковый шар и отправились на площадку для игры. Прежде, чем надеть маску, Амбуамбу спросил:

– Будем играть просто так, или каждый загадает желание?

– А ты сам как считаешь?

– На желание будет интереснее.

Он подкинул мяч, и игра началась. Мурашира слыл за хорошего игрока, но всё его мастерство оказалось бессильно

против ловкого Амбуамбу. Один за другим тот прогнал через кольцо несколько мячей.

– Ладно! – хмуро изрёк Мурашира. – Больше играть ни к чему. Всё равно мне тебя не победить.

– Как скажешь! – отозвался Амбуамбу.

Домой мужчины вернулись молча. На другой день Амбуамбу сообщил Мурашире:

– Я хочу отправиться в лес на охоту, но моя жена поранила ногу. Не возражаешь, если Огиро пойдёт со мной, и будет стряпать мне еду?

– Пусть идёт, если таково твоё желание! – кивнул Мурашира.

Он разыскал Огиро и сообщил ей:

– Амбуамбу отправляется на охоту. Он будет не прочь, если ты пойдёшь вместе с ним и возьмёшь на себя всю стряпню.

Жена Мураширы даже не пыталась скрывать, что эта идея пришлась ей по вкусу. Она достала початки замоченной кукурузы, уселась за зернотерку и заготовила целый мешок муки, взяла красный перец для соуса, бобов и горсть какао. Амбуамбу тем временем запасся стрелами и выбрал несколько корзин под мясо. Утром они отправились в путь и забрали глубоко в лесную чащу. Амбуамбу приказал:

– Разведи огонь и займись обедом, а я попытаюсь подстрелить какую-нибудь дичь.

Огиро послушно взялась за дело. Она собрала хворост,

добыла огонь и сварила немного кукурузной похлёбки, добавив в неё красного перца и какао. Когда явился Амбуамбу и принёс двух убитых попугаев, она быстро ощипала птиц, нанизала их на острые палочки и приготовила жаркое. Амбуамбу сидел неподалёку на корточках и курил трубку.

– Ладно у тебя всё получается, – заметил он. – Хотел бы я посмотреть, как ты занимаешься любовью. Может быть, ляжем вместе?

– Зачем ты так говоришь? – зарделась Огиро. – Ведь мой муж считается твоим другом.

– За Мураширу не волнуйся, – успокоил её Амбуамбу. – Он всё знает.

– Ну, если так, тогда другое дело, – сразу согласилась Огиро.

Они сгребли большую кучу листьев, улеглись на неё и стали совокупляться. Затем сели ужинать.

– Адичаво тоже хорошо готовит, но ей далеко до тебя, – заметил Амбуамбу с набитым ртом.

Огиро была польщена похвалой.

– Мурашира знатный любовник, – сказала она, – но сравнивать его пенис с твоим, всё равно что равнять кролика с тапиром. Мне уже давно не было так хорошо, как сегодня.

Отдохнув после еды, они опять устроились рядышком. На следующий день всё повторилось, и на третий также.

Между тем Адичаво увидела, что Амбуамбу не спешит возвращаться, и заметила Мурашире:

– Мой муж и твоя жена неплохо проводят время вместе, а мы тут маемся от голода.

– Чего ты хочешь? – спросил Мурашира.

– Пойдёшь со мной в лес за птичьими яйцами?

Мурашира согласился. Они двинулись в путь и вскоре нашли подходящее раскидистое дерево.

– Полезай наверх, а я подожду тебя внизу, – предложила женщина.

Но Мурашира только покачал головой;

– Ветви высоко, а ствол гладкий. Забраться-то я заберусь, а как потом вниз спускаться? Пойдём, поищем что-нибудь пониже.

– Эх ты! – засмеялась Адичаво, – мужчина, а говоришь, словно слабая женщина. Смотри, как это делается!

Тут она сбросила свою накидку и, оставшись в одной набедренной повязке, ловко забралась по лианам чуть не на самую макушку. Здесь женщина стала собирать яйца и складывать их в корзинку. Когда корзина наполнилась, она начала осторожно спускаться вниз. С одной рукой это оказалось совсем не просто. Перебираясь с ветки на лиану, Адичаво зацепилась за сук и едва не свалилась с высоты на землю. В конце концов ей удалось спуститься, однако набедренная повязка так и осталась висеть на дереве.

Мурашира встретил женщину насмешками:

– Ничего не скажешь, славный у тебя вид! Хорошо, что твой муж не видит, как ты нагишом разгуливаешь по лесу.

– Я не виновата! – оправдывалась Адичаво. – Ведь я едва осталась жива. Где здесь было думать о приличиях?

– Теперь уж точно поздно об этом думать, – согласился Мурашира. Он не стал признаваться в том, что зрелище ничем не прикрытых женских прелестей возбудило в нём сильное желание.

Вечером Мурашира тихонечко подлёг под бок Адичаво и прижался к её спине. Было слышно, как храпит во сне тёща, да ворочается мальчик.

– Тихо! – прошептала женщина, – погоди, пока уснёт мой сын.

Но малыш без конца капризничал и всё никак не хотел засыпать. Мурашира стал проявлять нетерпение. Чтобы успокоить его, Адичаво одной рукой продолжала покачивать гамак сына, а другой ухватила пенис любовника и ввела его в своё лоно. Мурашира утолил страсть и бесшумно возвратился к себе на ложе.

На следующее утро вернулись Амбуамбу и Огирос, нагруженные мясом и лесными плодами. Наблюдая за ними, Мурашира сразу смекнул, что они стали любовниками.

– Ну, как тебе понравилась моя жёнушка? – спросил он у Амбуамбу.

– Она очень расторопная женщина, – уклончиво отвечал тот.

– Да ладно тебе скрытничать! – засмеялся Мурашира, – я ведь с самого начала знал, что у тебя на уме! Мы с Адича-

во тоже не тратили время зря, так что теперь у каждого из нас по две жены, и наши женщины должны ублажать нас по очереди.

– Я-то не против, – согласился Амбуамбу, но что скажут на это они сами?

Друзья позвали женщин и объявили им о своём соглашении.

– Зачем вы нас спрашиваете, если всё решили сами? – спросила Адичаво. – Если Огиро думает также как вы, я, конечно, не буду спорить.

Оказалось, что Огиро во всём согласна с мужчинами.

– Пусть всё будет так, как идёт сейчас, – рассудительно сказала она, – если всем от этого хорошо, какой смысл всё портить?

С тех пор Амбуамбу и Мурашира спали по очереди с обеими женщинами. А если у кого-то возникало желание днём, то и тут никто не получал отказа, поскольку все находились друг с другом в прекрасных отношениях. Прошло немного времени, и животы у обеих женщин заметно округлились, груди наполнились молоком.

– Мы беременны, – сообщили они мужьям, – но не знаем точно, от кого из вас зачали своих детей.

– Не стоит горевать по этому поводу, – отвечал Мурашира. – Я считаю так: раз у нас с Амбуамбу всё, считая жён, общее, значит и дети должны быть общие.

В положенный срок Огиро родила мальчика, которого на-

звали Петекулем, а Адичаво девочку – Комлало.

Мать Огиро не противилась тому, что её дочь стала женой Амбуамбу. «Он хороший охотник, – рассуждала старуха, – моя дочь и я всегда будем иметь с ним мясо в избытке». Однако многое из того, что творилось в доме, ей не нравилось. «Зачем нам нужна эта приживалка Адичаво? – без конца твердила старуха. – И сынок её негодник, каких мало. Не место им здесь!»

Но никто не желал слушать её бесконечное брюзжание.

Однажды, когда в доме никого кроме них не было, старуха сказала мальчику:

– Ступай со мной! Я знаю место, где растёт множество мескитовых деревьев. Сможешь набрать целую корзину стручков и всласть наесться вкусными семечками.

Мальчик сразу согласился. Старуха взяла его за руку и повела за собой. Путь оказался неблизким. Давно уже скрылась за деревьями их деревня. Вот и река впереди.

– Скоро мы придём? – спросил мальчик.

– Погоди немного, – отвечала старуха, – сейчас доберёмся.

Она взяла малыша на закорки и перешла реку вброд. Оба оказались в роще мескитовых деревьев. Мальчик потянулся за стручками, а старуха вытащила из-под камня заранее припрятанную дубину, подкралась к нему сзади и ударила по го-

лове. Малыш свалился замертво. Старуха вытащила острый нож, разрежала ему грудь и достала из неё сердце. Потом развела костёр и бросила сердце в огонь. Вскоре оно превратилось в пепел, а старуха сидела рядом, перемешивала угли и бормотала под нос заклинания.

– Ну вот, кажется, получилось! – удовлетворённо произнесла она, когда солнце коснулось своим нижним краем вершешек деревьев. – Теперь можно возвращаться.

Мать Огиро подошла к мальчику, присела на корточки и принялась трясти его за плечо. Тот открыл глаза и с трудом поднялся на ноги.

– Голова болит! – заплакал мальчик, потирая огромную шишку на затылке.

– Не выдумывай! – прикрикнула на него старуха. – Только и умеешь, что ныть и жаловаться!

Когда они подошли к реке, колдунья омыла мальчика водой, набрала светлой глины и замазала ею рану на груди. Пребравшись на другой берег, зашагали в сторону деревни. Мальчик был очень слаб и бледен. Старуха всё время крепко держала его за руку, чтобы он не упал. Но когда скрылось солнце, и наступила ночь, члены его сделались сильными и гибкими. Теперь он бежал впереди, громко втягивая носом воздух, а мать Огиро едва поспевала за ним.

– Наконец-то явились! – встретила их Адичаво, – где вы пропадали столько времени?

– За рекой, в мескитовой роще, – отвечала старуха.

Она посидела немного молча, а потом спросила:

– Где ваши мужья?

– Пошли ловить рыбу. Раньше утра не воротятся.

Тут Огиро сняла с очага горшок с посолем – густо разведённую в воде массу жаренной кукурузы – и разложила его кучками на свежих пальмовых листьях. Поужинав, старуха забралась в свой гамак и захрапела. Женщины покормили детей и тоже улеглись.

– Жалко, нам придётся спать одним, – зевая, заметила Огиро.

– Ты права, – согласилась с ней Адичаво, – с мужчинами время проходит куда быстрее, а так оно тянется безобразно медленно.

– А кто из наших мужей тебе больше по вкусу?

Адичава задумчиво почесала живот.

– Не знаю, – призналась она. – У Амбуамбу пенис больше. Но зато Мурашира горазд на выдумки. Всегда придумает что-нибудь забавное!

– Это точно! – со смехом согласилась Огиро.

Женщины улеглись, каждая возле своего ребёнка, и вскоре заснули. Когда все звуки стихли, сын Адичаво поднялся с постели, подошёл к очагу и нашёл остатки ужина, приготовленного для мужчин. Мальчик ощущал страшный голод и проглотил посоль вместе с пальмовыми листьями. Однако голод не утихал. Мальчик выхватил из клетки ручного попугая, свернул бедняге шею и стал поедать его сырым вместе с

перьями. Струйки крови стекали у него по подбородку.

– Чего ты ищешь? – спросила, просыпаясь, Адичаво.

– Есть хочу! – отвечал тот.

Адичаво приподнялась и внимательно посмотрела на сына. «Странно, – подумала она, – прежде я никогда не замечала, что у моего Энохэ такой огромный пенис. Почти такой же, как у его отца!»

– Ложись и не шуми! – сказала она, – а то разбудишь весь дом.

– Мне холодно! – пожаловался мальчик.

– Тогда ложись со мной.

Сын не заставил повторять дважды и забрался под толстый плед, которым была укрыта его мать. «Какой он холодный! – опять удивилась Адичаво, – прямо как вода, текущая из-под ледника». Женщина прислушалась к дыханию сына. «Похоже, заснул», – подумала она и вскоре задремала сама. Мальчик между тем не спал. Помимо голода ему не давала сомкнуть глаз разгоравшаяся в нём похоть. Пенис его делался всё больше и больше. Вытянувшись, словно змея, он обвил ноги женщины и проник к ней в лоно. Адичаво хотела прыгнуть на пол, но уже не смогла подняться. Сын принялся совокупляться с матерью, нанося ей страшные удары, и наконец пронзил её насквозь. Окровавленный кончик его пениса показался изо рта женщины. Она дернулась несколько раз и затихла. Не теряя ни мгновения, мальчик взвалил труп на плечи и выбежал вон из дома. Едва он успел скрыться,

мать Огиро принялась громко причитать и разбудила своими криками всю деревню. Соседи заглядывали в хижину и спрашивали, в чём дело.

– Сын Адичаво убил мать и уволок с собой её труп! – без конца повторяла старуха.

Мужчины вооружились, взяли факелы и пошли в лес. Путь им указывала тянувшаяся по земле струйка свежей крови.

– Далеко ему не уйти, – рассудительно заметил вождь. – Мальчику не под силу долго тащить тело взрослой женщины.

И в самом деле, сразу за деревней индейцы наткнулись на растерзанный труп Адичаво. её сын сидел рядом и торопливо засовывал в рот сырые куски мяса.

– Вот он! – крикнул вождь и запустил в голову людоеда свою дубинку.

Остальные индейцы сделали тоже самое. Кто-то ударил мальчика каменным топором и раскроил ему череп. Вождь внимательно осмотрел убитого. Тотчас открылось, что тот не имеет сердца.

– На самом деле это был не сын Адичаво! – объявил вождь. – Это злой дух из леса, вселившийся в его тело.

Столпившиеся вокруг индейцы с удивлением вглядывались в лицо ребёнка, в котором не осталось уже ничего человеческого.

– Злой дух! – повторяли они. – Теперь понятно, отчего этот мальчик так странно вёл себя!

Как-то мать Огиро отправилась с маленьким Петекулем в лес за хворостом. День был солнечный. Над цветами с весёлым жужжанием кружились пчёлы.

– Где-то неподалёку их гнездо! – заметила старуха. – Если хорошенько поискать, то можно полакомиться мёдом.

Они стали следить за одной из пчел. Напившись сладкого нектара, она полетела к большому ветвистому дереву.

– Вот оно пчелиное дупло! – радостно сообщил мальчик. – Я вижу его между ветвями.

– Если так, лезь на дерево, – велела ему бабка.

Мальчик быстро вскарабкался по стволу чуть не до самой верхушки и стал лакомиться мёдом. Старуха, задрав голову, наблюдала за ним с земли.

– Эй ты! – крикнула она, – хватит объедаться! Оставь и мне немного!

– Сейчас! – отвечал Петекуль. Он вытащил соты, высосал из них содержимое, а воск швырнул вниз.

– Что это такое? – возмутилась бабка. – Да ты, никак, издеваешься надо мной, негодный мальчишка?

Сверху раздался задорный смех.

Мать Огиро вернулась домой страшно рассерженная.

– Твой сын насмеялся надо мной, – сообщила она дочери. – Но даром ему это не пройдёт!

– Оставь его в покое, – попробовала урезонить её Огиро. – Он всего лишь мальчик. Сам не знает, что творит!

Однако старуха твёрдо решила известить внука со света. Целый день она бродила по лесу, ела ядовитые грибы, жевала горькие травы и бормотала заклинания. Ночью, когда все уснули, она уселась над спящим мальчиком и пустила ему в нос газы из своего кишечника. То же самое она сделала во вторую ночь и в третью.

Последствия её колдовства не замедлили сказаться. Никто не понимал, почему Петекуль стал вдруг худеть и чахнуть. Румянец исчез с его лица, аппетит пропал. Ни игры детей, ни купание в реке его больше не увлекали. Тихий, молчаливый лежал он в своей постели и таял на глазах.

– Что с тобой такое? – спросила не на шутку встревоженная Комлало. – Ты не заболел?

– Сам не знаю! – печально промолвил Петекуль. – Силы покидают меня. К вечеру как будто немного легче, но утром в теле такая слабость, что даже пальцем пошевелить не могу.

«Что-то здесь не так!» – подумала Комлало. Ей было жаль брата, и она решила узнать причину его недуга. Вечером, когда все поужинали, мать Огиро сказала:

– Пойду-ка я спать.

– Ступай, – отвечала дочь, – мы тоже сейчас ляжем.

Вскоре в доме стихли все звуки. Слышно было только мерное дыхание спящих. Одна Комлало лежала с открыты-

ми глазами. Среди ночи старуха встала с постели, уселась на корточки над спящим Петекулем и с силой испустила ему в нос свои ядовитые ветры. «Так вот кто виноват в его болезни!» – догадалась девочка. Утром, когда они остались одни, Комлало сообщила брату:

– Я всё разузнала! Наша бабушка старается убить тебя своими кишечными газами.

– Кто бы мог подумать? Но она дорого поплатится за это!

Петекуль попросил сестру принести ему длинную тонкую тростинку. Затем он взял острую кость и крепко привязал её к палке. Получилась стрела. Вечером он спрятал её в своей постели и сделал вид, что засыпает.

Среди ночи мать Огиро вылезла из гамака и тихо присела над внуком. Петекуль был начеку. Он нацелил стрелу в старушечий зад и всадил её до самого кончика. Бабка, не успев даже ойкнуть, упала мёртвой. Но никаких следов раны на её теле не было видно.

Утром, обнаружив труп матери, Огиро всплеснула руками.

– А мама-то моя умерла! – сообщила она мужьям.

– Что ж, – заметил Амбуамбу, – когда-нибудь это случается с каждым из нас.

– Это точно! – подтвердил Мурашира. – А что до моей тёщи, то вообще странно, что она протянула так долго. Это при её-то вредности!

В тот же день старуху похоронили и устроили по ней по-

МИНКИ.

– Ну вот! – сказала однажды Огиро своим мужьям. – Наш мальчик перестал быть ребёнком.

– Почему ты так решила? – спросил Мурашира.

– Каждый раз, когда я наклоняюсь, он старается заглянуть под юбку и внимательно рассматривает мои гениталии. Мне кажется, они интересуют его больше всего на свете.

– В самом деле, – согласился Амбуамбу, – это похоже на правду.

– А когда ночью кто-нибудь из вас ложится рядом, чтобы заняться со мной любовью, он наблюдает за нами сквозь неплотно прикрытые ресницы. Видно, наши забавы не дают ему покоя.

– Если всё обстоит так, как ты говоришь, – решил Мурашира, – то пора Петекулю отправляться в дом холостяков.

Все индейские мальчики, выйдя из детского возраста, оставляют свою семью и селятся в большой хижине посреди деревенской площади. Тут в компании сверстников они коротают время в ожидании женитьбы, чтобы перебраться потом в дом тёщи и свёкра. Так повелось испокон веков, и обычай этот соблюдается на протяжении многих поколений. Переговорив с мужьями, Огиро собрала вещи сына, взяла его циновку и перенесла всё это в дом холостяков.

Утром подростки гурьбой отправились на реку. Как обыч-

но, на пляже было много деревенских девушек, которые пришли умыться. Холостяки и незамужние женщины с интересом присматривались друг к другу и обменивались озорными шутками.

– Что-то вы припозднились сегодня! – кричали юноши. – Небось, гуляли всю ночь с женатыми мужчинами!

– Да уж, конечно, не с вами! – отвечали им девушки и тихо пересмеивались, подталкивая друг друга.

– А почему бы вам не заглянуть как-нибудь в нашу хижину?

– Очень вы нам нужны, – отшучивались девушки. – Что мы такого у вас забыли?

Но на самом деле, они, конечно же, очень интересовались юношами. Чтобы понравиться им, девушки красиво подпиливали себе зубы, подвешивали к ушам серьги и натирали пахучей краской свои груди. Юноши тоже старались не ударить в грязь лицом и разрисовывали свои тела чёрными полосами. Порой, скинув с себя всю одежду, они упражнялись на пляже в воинских приёмах или устраивали под стук барабанов танцы.

Всё это производило неизгладимое впечатление на девушек. Наметив того, кто им больше всего понравился, они под покровом темноты пробирались в дом холостяков и проводили со своими избранниками ночь. Укладываясь на свою циновку, Петекуль каждую ночь слышал весёлую возню, то слева, то справа от себя. Но сам он по-прежнему оставался

одиноким.

– Как ты думаешь, – спросил однажды Петекуль у своего друга Сипапну, – почему девушки мной не интересуются?

– Кто его знает! – пожал плечами товарищ.

– Ты должен обязательно это выяснить! – решил Петекуль.

Ночью, как обычно, Сипапну навестила его подружка. Петекуль лежал неподалёку и прекрасно слышал, как они шепчутся и ласкают друг друга. От этого на сердце у него было тягостно и тревожно. Натешившись досыта, Сипапну спросил:

– А как же Петекуль? Почему никто не желает с ним сблизиться?

– Будто не догадываешься? – хихикнула девушка. – Посмотри внимательно на его член: кому охота знаться с таким коротышкой? Пусть подождёт, пока его пенис сделается таким же большим, как твой.

– Теперь всё понятно! – сказал себе Петекуль. Ему хотелось плакать от обиды, но он скрепил своё сердце и решил не поддаваться унынию.

Едва взошло солнце, Петекуль тихонько выбрался из хижины и отправился вон из деревни. Целую неделю он шёл вниз по реке, питаясь той рыбой, которую ему удавалось поймать. Наконец он добрался до места, где жила старая шаманка. Старуха сидела на пороге своей хижины и курила трубку. В её длинные седые волосы была вплетена змеиная кожа, а тощие обвислые груди покрывала замысловатая татуировка

в виде двух переплеставшихся анаконд.

– Зачем ты пришёл ко мне в такую даль? – спросила она, – дома, что ли не сидится?

– Как же тут усидишь! – грустно сказал Петекуль, – ведь я совсем потерял сон. Стоит мне задремать, как передо мной появляется прекрасная женская вульва. Я желаю совокупиться с ней, но у меня ничего не выходит. И так каждую ночь!

– Вот оно что! Приподними-ка свою повязку, я посмотрю, в чём дело.

Петекуль послушно исполнил её требование.

– Всё понятно! – объявила старуха, окончив осмотр его пениса. – Помочь твоей беде можно, но не думай, что это будет легко.

– Что же делать?

– Придётся потерпеть!

Шаманка натёрла пенис настоем трав, а потом приложила к нему ядовитую змею. Змея тотчас впилась зубами в головку члена.

– О-го-го-го! – завопил на весь лес Петекуль. Боль была такая, что аж в глазах потемнело.

– Не ори! – прикрикнула старуха. – Или ты думал что-то приобрести, ничего при этом не потеряв? Лучше полюбуйся, какой теперь у тебя красавец!

От укуса пенис Петекуля распух, стал быстро расти, и к вечеру приобрел прямо-таки чудовищные размеры. Шаман-

ка, шепча заклинания, то и дело смазывала его свиным жиром, смешанным с кровью тапира. К утру боль понемногу утихла.

— Можешь возвращаться домой, — разрешила старуха, — моя помощь тебе больше не требуется.

Петекуль так и поступил. Через неделю он добрался до родной деревни. Дело шло к вечеру, и здесь готовились начать танцы. Петекуль выпотрошил двух жаб, а шкуры их надул через соломинку и приладил под накидкой на манер женских грудей. Бёдра свои он также прикрыл женской повязкой, распустил длинные волосы, раскрасил тело и лицо красной краской. Теперь любой мог принять его за девушку!

Между тем вся молодёжь собралась возле обрядовой хижины. Некоторые юноши достали флейты, другие принялись бить в барабаны. Танцы удались на славу! Все веселились от души, и никто не обратил внимания на незнакомку. Когда наступила ночь, Петекуль проскользнул вместе с остальными девушками в их хижину и улёгся спать. Разгоряченные танцами, девушки жадно пили воду из кувшина, не подозревая о том, что Петекуль подсыпал в него сонное зелье. Вскоре все свалились без чувств. Прислушиваясь к ровному дыханию соседки, Петекуль осторожно приподнял юбку и ввёл в её лоно свой член. Затем он повернулся к другой девушке и также незаметно овладел ею. Подобным образом он совокупился со всеми, кто находился в хижине, а на рассвете выбрался наружу и скрылся в лесу. Девушки проснулись и

подняли крик. Одна из них обнаружила под своей циновкой кровь и воскликнула:

– Меня изнасиловали!

– И меня тоже! – вторила ей другая

– И меня! И меня!

Все девушки, ещё не знавшие мужчин, за одну ночь лишились невинности.

– Кто мог сыграть с нами такую шутку? – недоумевали они. – Не иначе это та незнакомка, которая явилась вчера вечером. Не стоило её пускать к нам!

Оживлённо обсуждая происшедшее, девушки направились на пляж. Только-только они вошли в реку, как появился Петекуль. Он уже успел избавиться от фальшивых грудей и смыл с себя краску.

– Посмотрите! – закричали девушки, – наш Петекуль вернулся! А мы-то думали, он исчез навсегда!

Вновь пришедшего засыпали вопросами, но он отвечал на них уклончиво и вообще держал себя таинственно.

– Что вы к нему пристали? – задорно крикнула одна девушка. – Я слышала, в соседнем племени полно мелких, низкорослых женщин. Не иначе, Петекуль искал подружку под свой размер!

Девушки захихикали, но все смешки мгновенно смолкли, как только Петекуль сбросил набедренную повязку и стал обмывать свой гигантский пенис. По воде потянулась струйка свежей крови.

– Так вот оно что! – догадались девушки. – Теперь ясно, кто совокуплялся с нами!

Вскоре новость облетела всю деревню. Юноши, окружив Петекуля, рассматривали его пенис и не могли опомниться от изумления. С тех пор никто больше не звал сына Огира старым именем. Его новое прозвище стало Челенкоатль.

С самого утра жена шамана Даугави занималась стряпней. Свернув голову индейке, она приготовила наваристый мясной бульон с клубнями маниока и кукурузными початками. Кушанье, впрочем, предназначалось не для её мужа. Горшочек с супом был уложен в корзину рядом с несколькими колбасами из крови гуанако.

– Я иду к сестре, а ты остаёшься дома с детьми! – заявила женщина.

Даугави отметил про себя, что жена по-праздничному уложила волосы, оставив сзади маленький хвостик наподобие кисточки, и прицепила к ушам серьги из красивых красных раковин. Набедренная повязка на ней тоже была самая красивая с украшениями из перьев попугая.

Когда жена выпорхнула из дома, Даугави проводил её сумрачным взглядом. Он уже давно догадался, что все разговоры о сестре не более чем уловка.

Дойдя до деревенской площади, женщина стала спрашивать:

– Где Челенкоатль? Никто не видел Челенкоатля? И куда он запропастился!

– Мы знаем, где Челенкоатль! – объявили две девушки. – Он и его сестра Комлало ловят рыбу на берегу реки.

Жена Даугави отправилась на пляж.

– Эй, красавчик! – закричала она, увидев Челенкоатля. – Брось свою острогу! Лучше иди ко мне!

– Это ты меня что ли? – спросил юноша.

– Ну, конечно же, глупенький! Ступай ко мне. Я дам тебе что-то вкусное!

– Чего ты хочешь? – спросил Челенкоатль, подходя.

– Сядь рядом, – велела женщина, – я тебя угощу.

Челенкоатль повиновался, и она стала кормить его полёбкой. Наблюдая, как он уплетает кушанье, женщина сказала:

– Много разных слухов ходит о тебе и твоём члене.

– И что о нас болтают?

– Говорят, что из всех пенисов, какие только есть в нашей деревне, твой самый огромный.

– Так оно и есть, – согласился Челенкоатль, – это похоже на правду.

Он сдвинул одежду. Осмотрев его оружие, женщина пришла в неопиcуемый восторг.

– Мы должны немедленно заняться любовью! – объявила она, – я обожаю толстые и длинные члены!

Женщина быстро развязала свою набедренную повязку и, повалившись на спину, раздвинула ноги.

– Чего же ты медлишь? – нетерпеливо спросила она. – Делай своё дело!

Однако Челенкоатль не спешил исполнять её требование.

– Ты ведь жена Даугави? – задумчиво заметил он. – Твой

муж – могущественный шаман. Мне бы не хотелось с ним ссориться.

– Чепуха! – возразила женщина. – Сам подумай, как Даугави узнает о том, что произойдёт между нами?

– Ладно, если так, – согласился Челенкоатль.

Он лёг на женщину, ввёл во влагалище свой член и стал совокупляться с ней.

– Ах, как хорошо! Восхитительно! – восклицала женщина, испытывавшая огромное удовольствие. – Теперь я точно знаю, что твой член самый лучший!..

Всё это время Даугави сидел возле дома и, не отрываясь, смотрел в сторону реки. Заметив возвращавшуюся жену, он достал свой каменный жреческий нож и положил его на горячие угли в очаг. Когда женщина вошла, он принялся её отчитывать.

– Где ты шляешься целый день? – спрашивал муж. – Дети голодные, а тебе и дела нет.

– По дороге я встретила свою мать, – оправдывалась женщина, – пришлось и её накормить.

Даугави не поверил ни единому её слову. Он приказал:

– Раздевайся и ложись в постель!

Женщина вообразила, что он хочет заняться с ней любовью. Она послушно улеглась на шкуру. Муж засунул ей в вульву руку, а когда извлёк наружу, понюхал пальцы.

– Обманщица! – промолвил он грозно. – Ноги твоей не было в доме сестры. Всё это время ты совокуплялась с Че-

ленкоатлем!

– Только не бей меня! – испуганно взмолилась жена, –
клянусь тебе, больше ничего такого не повторится!

– Я знаю, что не повторится, – отвечал Даугави. – Это
сношение станет для тебя последним!

Тут он выхватил из очага раскаленный докрасна каменный
нож и ввёл его, словно пенис, в лоно жены. Женщина
задёргалась от боли и тотчас умерла. Даугави забросал труп
шкурами, взял копье и пошёл к реке.

– Даугави идёт сюда, – сообщила Комлало. – Как ты ду-
маешь, Челен, что ему нужно?

– Не иначе он проведал о моих забавах с его женой, – до-
гадался Челенкоатль.

– Сдаётся мне, что ты прав, – согласилась Комлало. – Вид
у него не слишком дружелюбный. Как мы поступим?

– Бежим, пока не поздно!

Они спрыгнули в воду, быстро перебрались на противо-
положный берег и скрылись в кустах. Даугави спустился к
реке и стал осматриваться по сторонам. Отсутствие юноши
его нисколько не смутило. Он знал, что тот прячется где-то
неподалёку.

– Челенкоатль! – позвал он.

Никто не откликнулся.

– Молчи-молчи! – проворчал шаман. – Я и так сумею най-
ти тебя.

Он открыл корзинку, которую принёс с собой. В ней лежа-

ло всё его шаманское снаряжение. Даугави накрылся шкурой ягуара (лапы с острыми когтями свисали с обоих его плеч), вытащил небольшой сосуд из пустотелой тыквы и сделал из него несколько глотков волшебного зелья.

– Не хочешь идти и не надо! – повторил Даугави, надвигая на лицо маску и опускаясь на четвереньки.

В тот же миг его уши стали заостряться, а тело – обрастать шерстью. Шаман обернулся ягуаром, присел на задние лапы, взмахнул хвостом и одним прыжком перепрыгнул через реку.

– Ну, как там наши дела? – поинтересовался Челенкоатль.

– Хуже некуда, – отозвалась сестра. – Даугави превратился в ягуара и идёт по нашему следу.

– Ты можешь отвести ему глаза?

– Сейчас попробую!

Комлало выдернула несколько волосков из лобка и бросила их на тропинку. Спрятавшись в кустах, оба наблюдали за приближающимся ягуаром. Не заметив беглецов, он скрылся в чаще.

– Бежим назад! – шепнул Челенкоатль.

– Странно, что я до сих пор их не догнал, – подумал между тем Даугави. – Не иначе, это Комлало отвела мне глаза.

Он потянул лапой кожу с затылка, стащил маску и вновь обратился в человека. Теперь ему было нетрудно разглядеть беглецов. «К реке побежали!» – догадался он и припустил в обратную сторону.

– Даугави возвращается! – сообщила Комлало.

– Я спрячусь под водой, а ты постарайся отвлечь его, – распорядился Челенкоатль. Нырнув в реку, он притаился у основания большого камня.

– Где твой брат? – мрачно поинтересовался шаман, появляясь на берегу.

– Домой отправился, – схитрила Комлало.

– Зря ты пытаешься обмануть меня! – посетовал Даугави. – Я ведь не хуже тебя знаю, что он прячется в воде рядом с этим вот камнем.

Он улёгся на живот и принялся тыкать копьём в воду, стараясь пронзить противника насквозь. Тут бы и настигла Челенкоатля неминуемая смерть, если бы не порошок для раскраски, добытый из семян ачиоте, который он носил с собой, завернутым в плотный пальмовый лист. Разорвав пакетик пополам, юноша выпустил содержимое прямо в воду. Увидев, что речные струи окрасились в ярко-красный цвет, шаман удовлетворённо хмыкнул

– Конец пришёл твоему братцу, – сообщил он. – Видишь сколько крови?

Девушка молча стояла на берегу, не зная на что решиться. Даугави втянул носом воздух и спросил:

– Этот запах идёт из твоей вульвы? То-то он сбил меня со следа! Иди теперь сюда и ляг со мной.

– Вот ещё! – повела плечами Комлало. – Много радости от такого старого и уродливого!

– Не хочешь меня таким, каков есть, тогда узнаешь другим! – пригрозил Даугави, доставая маску ягуара.

Пришлось подчиниться. Девушка легла на траву и раздвинула ноги. Даугави пристроился сверху, засунул в её лоно свой пенис и стал энергично двигать бёдрами. Но довести дело до конца ему так и не удалось. Челенкоатль незаметно выбрался на берег, подкрался к Даугави и с размаху вогнал ему в спину свою острогу. Шаман громко хрюкнул, уронил голову и затих. Кровь из его раны залила девушке всю грудь.

– Этот толстый боров лишил тебя девственности, – огорчился Челенкоатль. – Жаль, не успел ему помешать.

– Теперь уже ничего не поделаешь! – отвечала сестра, поднимаясь и оправляя одежду. – Скажи лучше, как нам быть? У Даугави полно родственников. Боюсь, им не понравится то, как мы с ним поступили.

Челенкоатль ненадолго задумался.

– Придётся нам бежать из деревни! – сказал он, поднимая копье мёртвого шамана. – Идём прямо сейчас. А назад возвратимся не прежде, чем наши родители уладят это дело!

Брат и сестра пробирались дальше и дальше в глубину леса. Чаща становилась всё гуще, а следов человеческого жилья не было и в помине. Лишь на закате показалась одиноко стоявшая хижина.

– Здесь и заночуем! – решил Челенкоатль.

Он заглянул в дом и убедился, что тот пуст. Нигде – ни единой души.

– Ты оставайся на месте, – распорядился брат, – а я пойду, поищу лесных орехов.

Он ушёл и больше не вернулся!

Между тем солнце скрылось. Опустилась темнота. Чтобы уберечься от хищников, Комлало забралась на высокий помост под крышей и легла спать. Среди ночи послышался хруст веток. К дому подошли два поросших шерстью лесных человека – здоровенные и крепкие парни, каждый на две головы выше обыкновенного индейца. Один из них тащил на себе тушу оленя.

– Славно поохотились! – говорили они, – теперь отдохнём.

Младший из братьев собрал хворост и развёл костёр, в то время как старший сдирал с убитого зверя шкуру. Отрезав по огромному куску мяса, они состряпали себе ужин, поели и стали укладываться.

– Гляди-ка, – сказал младший, заметив Комлало. – Жен-

щина: мягкая, нежная, вкусная!

– Тебе бы только брюхо набить! – покачал головой старший. – Ни о чём другом думать не можешь!

– Будто ты можешь!

– А вот и могу! Эй, ты! – позвал он. – Спускайся к нам!

– Ни за что! – отказалась Комлало. – Вы меня съедите!

– Да не будем мы тебя есть, – мы уже сытые! А не пойдёшь добром, мы тебя силой принудим.

Делать нечего! Девушка спрыгнула на землю. Старший брат тут же распорядился:

– Ложись рядом. Будем заниматься с тобой любовью!

– Не желаю я этого! – упиралась Комлало. – Вы оба мне совсем не нравитесь.

– Брезгуешь, значит! Видать в костёр захотела?

Девушка нехотя легла на шкуру и приготовилась принять любовника. Пенис старшего брата, огромный, как и он сам, свисал у него ниже колен. При виде женских прелестей, верзила распалился похотью. Его член напрягся и выдвинулся вперёд наподобие копья.

– Постой! – испугалась Комлало. – Ты меня убьёшь!

– Не бойся, ничего с тобой не случится!

Лесной человек осторожно ввёл пенис во влагалище Комлало и с громким сопением стал совокупляться с нею. Его брат в изумлении тарашил на них глаза и приговаривал про себя:

– Вот это да! Я и не знал, что так можно!

Когда старший утолил свою страсть и поднялся, младший тотчас закричал:

– А теперь я! Теперь я!

– Только осторожней, дурень! – заметил ему брат. – Не вздумай орудовать своей дубиной во всю мочь!

– Я сделаю так, как скажешь!

– Тогда засовывай не полностью и двигайся не торопясь, словно крадёшься за дичью, – учил его старший.

Младший во всём следовал его советам и таким образом довёл дело до конца. Впрочем, Комлало это соединение доставило ещё меньше радости, чем первое. Натешившись всласть, братья улеглись прямо на полу.

– Эй, ты! – крикнул старший из них Комлало. – Теперь ты наша жена! Будешь готовить нам еду и варить пиво. А попробуешь сбежать, мы тебя съедим.

Дикари захрапели. Комлало улеглась в углу и тихо всхлипывала от боли. Чтобы унять кровотечение ей пришлось заткнуть вульву клоком шерсти, и к утру он весь пропитался кровью. На рассвете старший собрался в лес.

– Я на охоту, – сообщил он. – А ты тоже не шибко прохлаждайся: ступай в лес и набери дров.

Едва он ушёл, Комлало улеглась рядом с младшим и стала ласкать его.

– Как мне нравится твой пенис! – заметила она с нежностью. – Он такой огромный и так восхитительно заполняет меня! Не то, что пенис твоего брата! Между нами говоря, он

никуда не годный любовник.

– Ты так считаешь? – спросил польщённый дикарь.

– Разумеется! Ты намного сильнее и умнее брата. Странно, что он помыкает тобой, словно несмышлёнышем.

– Помыкает мной?

– А ты не заметил? Он обращается с тобой, как грубая скотина: только и делает, что командует.

– Да-да, мне тоже показалось, что он чересчур заносится!

– Ты не должен терпеть его грубостей, – вкрадчиво внушала Комлало. – К чему он нам вообще нужен? Убей его, и тогда я буду принадлежать только тебе одному!

– А что? – обрадовался дурачок. – Это дельная мысль!

Младший брат побежал в лес и приволок огромную кучу хвороста. Вскоре на поляне пылал жаркий костёр. Около полудня появился старший брат, нагруженный добычей.

– Дурень! – закричал он ещё издали. – Зачем попусту жжёшь дрова?

– Так уж и попусту! – ухмыльнулся младший.

– А то нет? Что толку небо коптить?

Старший стал разгребать угли. Младший между тем подкрался сзади и ударил его дубиной по голове. Его брат молча свалился в огонь.

– Молодец! – похвалила Комлало, наблюдая за клубами чёрного, жирного дыма, поднимавшегося из костра. – Теперь давай варить пиво.

– А как?

– Ты не должен этого знать. Варить пиво – женское занятие!

– Ишь ты! – покрутил головой лесной человек.

– Закрой глаза и сиди так, не подглядывая, а то пиво не получится.

– Хорошо, – покорно согласился верзила, – сделаю всё, как ты велишь.

Он уселся на землю, закрыл глаза и приготовился ждать. Комлало вынула из вульвы ком окровавленной шерсти, бросила его в кувшин, а затем помочилась в него. Прежде чем исчезнуть в кустах она произнесла заклинание, которому научилась ещё в детстве.

Лесной человек довольно долго просидел с закрытыми глазами. Царившая вокруг тишина стала внушать ему подозрение.

– Эй! – позвал он. – Долго ещё?

– Потерпи, немного осталось! – раздался голос из кувшина, точь-в-точь такой же, как у Комлало.

Дикарь посидел ещё некоторое время и опять задал свой вопрос.

– Пиво готово! – сообщил голос из кувшина. – Только оно горячее. Если не хочешь сжечь глотку, погоди, пока остынет.

Помолчав, лесной человек вновь стал звать Комлало. На этот раз никто ему не ответил. Дурачок открыл глаза, увидел кувшин и тотчас осушил его.

– Надо же! – пробормотал он, выплевывая шерсть, – не

знал, что пиво это такая дрянь. Никогда больше не буду его пить!...

В это время Комлало находилась уже очень далеко от хижины лесных людей. Ночь она провела, притаившись в глухом дупле. Утром подкрепилась плодами и продолжила путь. Лес оставался таким же дремучим. Силы совсем покинули несчастную девушку. Вдруг среди ветвей показалась хижина, стоявшая на берегу неширокой реки. Комлало заглянула внутрь и увидела старуху. Та ласково посмотрела на гостью и предложила ей войти.

– Бедняжка! Такая красавица, а ходишь по лесу совсем одна! – причитала незнакомка. – Оставайся у нас. Я отдам тебя в жёны своему сыну.

Комлало так устала от своих скитаний, что у неё не было сил возражать.

– А кто он такой твой сын? – спросила она только на всякий случай.

– Он у меня превосходный рыбак. Не беспокойся: с ним ты никогда не узнаешь голода!

Старуха усадила девушку на циновку, а сама стала печь на глиняной сковороде маниоковые лепёшки. По дому поплыли волны чудесного аромата. Когда Комлало утолила голод, старуха повела её на берег реки мыться. Сама она никуда не ушла и внимательно осмотрела невестку.

– Какая ты маленькая и тощая! – вздыхала свекровь. – Но не беда! Скоро ты отъешься и располнеешь.

Домой вернулись затемно. Не зажигая огня, старуха велела Комлало лечь на мягкую шкуру ягуара и дожидаться мужа.

– Сейчас он пожалует, – пообещала она.

Комлало ждала, ждала и сама не заметила, как задремала. Наконец послышалось шуршание, словно кто-то огромный полз по песку на животе. Дверь отворилась, и неизвестный проник в хижину.

– А, сынок! – обрадовалась старуха. – Наконец-то пожаловал. А я тут тебе жену сосватала.

– И где она?

– В углу, на лежанке. Уже заждалась, небось.

Незнакомец тотчас приблизился к Комлало и улёгся рядышком. На ощупь он был скользкий, холодный и влажный, словно только что вылез из реки. Пенис у него оказался длинный и тонкий. Не говоря ни слова, супруг улёгся сверху, раздвинул жене ноги и быстро совокупился с нею. Лица его Комлало не видела, зато ощущала острый запах тины и сырой рыбы.

Когда девушка проснулась на другой день, рядом никого не оказалось.

– А где же твой сынок? – спросила она у свекрови.

– На рыбалке, как всегда. Смотри, сколько рыбы принёс он вчера! Сейчас будем варить уху...

Минуло несколько дней. Комлало отдохнула и отъелась. Муж в избытке снабжал женщин рыбой. Целыми днями он

пропадал на реке и в озере, которое, как оказалось, располагалось чуть ниже по течению. Домой он всегда возвращался далеко за полночь. «Странно всё это! – думала про себя Комлало. – Сколько времени я здесь, а до сих пор не видела лица своего супруга!» Если бы не эта странность, жизнь в хижине можно было назвать привольной и вольготной. Свекровь всячески баловала девушку, совсем не досаждала ей работой и была озабочена лишь одним: как посытнее накормить невестку.

– Кушай, дочка, кушай! – твердила она без конца. – Надо тебе поскорей поправляться.

Провожая Комлало на пляж, она всякий раз оценивающе оглядывала её фигуру.

– Вот так будет лучше, – удовлетворённо заметила она однажды, – теперь ты такая гладенькая и кругленькая, просто загляденье!

Комлало сделала вид, что разделяет её радость. Но на самом деле девушку давно мучило смутное беспокойство. «Свекровь всё время говорит обо мне так, словно свинью к празднику откармливает!» – думала она про себя.

Были и другие поводы для подозрений. Ещё в первый день, собирая с невесткой хворост, старуха сказала ей:

– Можешь ходить где угодно, но только не заглядывай под дерево мапайо: это очень плохое место. Если окажешься там, тебе не поздоровится!

С тех пор Комлало постоянно думала о таинственном де-

реве. Любопытство одолевало её всё сильнее. Наконец, она не выдержала. Когда старуха была занята стиркой, Комлало заглянула под мапайо и обнаружила под его корнями шесть корзинок с человеческими костями. На ветках были развешены шесть высушенных женских голов с длинными волосами.

– Какой ужас! – подумала дочка Адичаво. – Эти женщины были моими предшественницами, и меня теперь ожидает их судьба!

Но она не подала виду, что обо всём догадалась. Укладываясь спать, она спрятала под плоской несколько угольков и пучок соломы. Вечером, как обычно, в темноте явился муж. Совокупившись с Комлало, он отвалился в сторону. Девушка притворилась, что заснула, но сама внимательно прислушивалась к тому, что происходит в доме.

– Эй, сынок! – позвала старуха.

– Чего тебе?

– Я насчёт твоей жены! Она поправилась и пополнила.

– Это хорошо! Как думаешь: её уже можно съесть?

– Вполне! Завтра я позову её мыться и столкну в чан с кипятком. А ты приходи пораньше – устроим с тобой пир!

– Ладно! Буду непременно!

Когда старуха и её сын заснули, Комлало достала пучок соломы и зажгла его от уголька. Хижина осветилась неярким светом, и девушка обнаружила, что лежит рядом с толстым, зубастым крокодилом. То-то супруг всегда казался ей холод-

ным, словно лягушка!

Утром свекровь, как обещала, развела рядом с домом костёр и поставила на него большой чан с водой.

– Эй, милочка! – пританцовывая, крикнула она невестке, – хватит возиться на огороде. Ступай сюда – будем мыться!

Комлало подошла к ней и, улучшив момент, толкнула старуху в кипяток.

– Ай-ай-ай! – завопила та. Кое-как она сумела выбраться из чана, но тотчас умерла.

«Теперь бежать!» – подумала Комлало. Она взяла с собой немного еды и, что есть сил, припустила в лес. «Мерзкий крокодил! – шептала она, шагая между деревьями. – Хотел мною поужинать? Лакомься теперь своей мамашей!» Останавливаясь, она то и дело прислушивалась: гонится за ней кто или нет? Муж не появлялся, но коротать ночь на земле всё равно было страшно.

«Заберусь-ка я на дерево! – решила Комлало. – Пусть там не очень удобно, но зато не так опасно». Когда впереди показалось большое дерево, она залезла на него и уселась между ветками. Вскоре зашло солнце. Наступила ночь, и лес наполнился разнообразными звуками. Вдруг в неясном свете луны Комлало увидела внизу большого тапира. Подняв голову, он принюхивался к ней своим длинным подвижным носом. Потом перевернулся на спину и продемонстрировал женщине огромный пенис.

– И ты тоже хочешь заняться со мной любовью? – со смехом заметила Комлало. – Но для этого, дружок, тебе надо научиться лазать по деревьям. Когда научишься, тогда и приходи. Я тебе не откажу!

Тапир бросился прочь и исчез в кустах. Некоторое время было тихо. Потом ветви кустов раздвинулись. Под деревом показался толстый человек с тёмной, почти что чёрной кожей.

– Чего тебе надо? – спросила Комлало.

– Ты звала меня, и я пришёл, – отвечал незнакомец. – Теперь ты должна исполнить, что обещала!

Он схватился за лиану и быстро взобрался на дерево. Пристроившись на соседней ветке, мужчина поманил её к себе. Его напрягшийся член призывно поднялся навстречу соседке.

– Зачем ты ходишь в образе зверя, если можешь быть человеком? – спросила Комлало.

– Так удобнее добывать пропитание, – объяснил тапир.

Девушка перебралась к нему на колени и позволила ввести пенис в своё влагалище. Упираясь ногами в ствол, они долго раскачивали ветки и всласть насытились любовными утехами.

– Знаешь, – сообщила Комлало, – в этом месяце я уже в пятый раз выхожу замуж. И все мои мужья кончили очень скверно. Наверно, я приношу несчастье!

– Посмотрим! – буркнул тапир. Он вообще не отличался

многословием.

Незадолго до рассвета муж Комлало скрылся в кустах. Вскоре он вернулся обратно, но уже в образе тапира. Ещё прежде они договорились отправиться за ананасами и теперь двинулись в путь: тапир – впереди, Комлало – сзади. Миновали лес, переправились через маленькую речку и оказались среди возделанного поля. Неподалёку находился фруктовый сад. Комлало забралась внутрь и стала перебрасывать через ограду спелые ананасы. Наевшись, двинулись в обратный путь, но тут случилось непредвиденное – тапир провалился в яму-ловушку и сломал себе спину. Убедившись, что её новый супруг умер, Комлало даже заплакала от досады. «Ну вот, – прошептала она, глотая слёзы, – я же говорила ему, что приношу несчастье!...»

– Ты оставайся на месте, – распорядился Челенкоатль, – а я пойду, поищу лесных орехов.

Озираясь по сторонам, он быстро шагал между деревьями. Неожиданно лес расступился. Челенкоатль оказался на берегу ручья и увидел молодую женщину, которая пришла мыться и уже успела снять с себя всю одежду.

– Ты кто такой? – удивилась она.

– Я живу в деревне неподалёку, – отвечал Челенкоатль. – А ты?

– Мужчины нашего племени охотятся в здешних местах, – объяснила незнакомка. – Я и моя сестра стряпаем им еду.

– Выходит, вас всего двое! Наверно, ты не обижена мужским вниманием? – предположил Челенкоатль.

– Этого мне и в правду хватает, – согласилась женщина, возвращаясь к своему занятию.

Но всё-таки она с любопытством наблюдала за тем, как Челенкоатль развязывает набедренную повязку. Содрав шершавый кусок пальмовой коры, он стал натирать им своё тело. Некоторое время оба молча мылись неподалёку друг от друга. Незнакомка первая нарушила затянувшуюся паузу.

– Эй, ты! – позвала она. – Если потрёшь мне сейчас спинку, я потом тоже помогу тебе.

Женщина опустила на колени и подала свою мочалку.

Челенкоатль стал растирать ей лопатки и поясницу. Улучшив момент, он быстро ввёл в её лоно свой пенис.

– Я тебя об этом не просила! – заметила незнакомка.

– Чего уж там! – отвечал Челенкоатль, – всё одно к одному.

Они закончили совокупляться и оделись.

– Ступай со мной, – предложила женщина, – я отведу тебя к нашим.

Челенкоатль и его спутница пробрались сквозь густой кустарник и оказались во временном лагере пришлых индейцев. Завидев чужака, те тотчас окружили его и заставили отдать копье. Челенкоатль огляделся по сторонам и заметил, что трава возле костра обильно залита кровью. Тут же валялась решётка для жарки мяса, а на ней – остатки съеденного человека. Так он догадался, что оказался в плену у людоедов. Но что-то менять было уже поздно! Челенкоатля привязали к стволу папайи и оставили наедине с его тревожными мыслями. «Бедная Комлало! – думал юноша, вздыхая, – тяжело ей придётся без меня!»

Вечером из леса явились ещё несколько охотников. Они принесли убитого оленя и пригнали двух новых пленников.

– Поворачивайтесь живее! – кричали вновь прибывшие двум сёстрам-стряпухам. – Мы проголодались и устали! Если будете тянуть с ужином, поджарим вас самих!

Впрочем, женщины не очень испугались их угроз. Выбрав среди пленников самого упитанного, они отвели его к кост-

ру, оглушили дубиной, а потом, разложив на решётке, испекли его на горячих углях. Вместе с человечиной тут же зажарили несколько кусков оленины.

Покончив с ужином, охотники надели на себя браслеты из хвостов броненосца и принялись танцевать вокруг костра.

– Теперь вы нам больше не нужны! – заявили они женщинам. – Отправляйтесь в свою хижину и не показывайтесь до утра: мы будем играть на своих священных флейтах!

Женщины не возражали. Та из них, которая купалась в реке и уже успела познакомиться с Челенкоатлем, привела к нему свою старшую сестру.

– Вот тот юноша, о котором я говорила! – сообщила она.

– Что ж, – отвечала та, – проверим, так ли он хорош, как ты описывала!

А Челенкоатлю она сказала:

– Мне бы хотелось заняться с тобой любовью! Постарайся доставить мне удовольствие, ведь от этого зависит продолжительность твоей жизни!

Женщина накинула на шею пленника петлю, а потом ослабила державшие его путы. Младшая стояла рядом, сжимая в руках острое копье. Старшая тем временем вытянулась под деревом и призывно раздвинув ноги. Челенкоатль улёгся сверху и стал наносить ей могучие удары. Его огромный пенис глубоко проникал в её вульву.

– О! О! – стонала женщина.

Любовные утехы явно пришлись ей по вкусу. Ночью, когда

все звуки в лагере смолкли, она вновь привязала пленника к дереву, но на прощание пообещала:

– Мы не будем спешить с твоим убийством. У мужчин и без того достаточно мяса, а нам ты гораздо больше нравишься живым, чем зажаренным!

Теперь каждый вечер, покормив охотников, сёстры отправлялись к стволу папайи и тайком отдавались Челенкоатлю. Как-то раз, по прошествии нескольких дней, они сообщили пленнику: «Охота кончилась! Завтра возвращаемся в свою деревню». Утром каннибалы развязали оставшихся в живых пленников, нагрузили им на спины корзины с вяленным мясом и погнали вперёд. Останавливаясь на ночёвку, они съедали содержимое какой-нибудь корзины, а заодно и самого носильщика. Использовать его как-нибудь иначе им даже в голову не приходило.

Путешествуя таким образом, каннибалы добрались до своей деревни. Тут пленников посадили в специальные клетки и стали откармливать, словно поросят, а чтобы мужчины быстрее поправлялись, их решили кастрировать. Несчастных отвели к старухе–шаманке, уродливой и отвратительной на вид. Каждый день она отсекала каменным ножом по несколько мужских пенисов. Их кровью она мазала своих идолов, а сами пенисы жарила на углях и съедала. Но, внимательно осмотрев Челенкоатля, старуха неожиданно отступила от своих обычаев.

– Не надо его ни кастрировать, ни в клетку сажать, – объ-

явила она соплеменникам, — я сама его раскормлю.

Вечером шаманка устроилась на лежанке, оголила свою вульву и поманила Челенкоатля.

— Раз уж я спасла твой член, — заметила она, — негоже оставаться ему без дела!

Пришлось с ней совокупляться. Юноша принялся убаюшивать старуху, а та охала и стонала от удовольствия, словно какая-нибудь горячая молодка. Потом она повернулась на бок и захрапела. На второй и на третий день всё повторилось вновь и вновь. Шаманка была ненасытна на ласки и очень сластолюбива, но Челенкоатлю она совсем не нравилась. Как-то раз ему на глаза попало растение с мелкими и цепкими колючками. Челенкоатль набрал их и незаметно подсыпал в фруктовый напиток, который его хозяйка выпивала каждый вечер перед сном. Ни о чём не подозревая, она осушила сосуд, после чего начала страшно хрипеть и кашлять, ведь колючки разодрали ей всё горло. Из рта у старухи хлынула кровь, и она умерла.

Челенкоатль незаметно выбрался из дома и скрылся в лесу. Всю ночь он не останавливаясь шёл на север и к утру настолько удалился от деревни каннибалов, что мог считать себя в безопасности. Однако, он продолжал идти и идти вперёд, пока не набрёл на большую хижину со всех сторон окружённую лесом. Едва Челенкоатль появился перед домом, из дверей вышел крепкий старик и приветливо поздоровался с ним.

— Я вижу, ты устал, — заметил он, внимательно рассматривая измождённое лицо юноши. — Останься у нас и как следует отдохни.

Челенкоатль не возражал. Вскоре выяснилось, что у старика имеются две премиленькие дочки. Едва увидев незнакомца, обе стали хлопотать об ужине: накопили ямса, натёрли кукурузной муки и сварили вкусную похлёбку. На второе была индюшачья ножка с тушёными овощами. Наблюдая за тем, как ладно и быстро девушки управляются со своим делом, Челенкоатль не мог скрыть своего удивления.

— Послушай! — спросил он у старика, — почему твои дочери до сих пор не замужем?

— Увы, — отвечал тот, — всему виной страшное несчастье. И по внешности и по характеру обе девушки само очарование. Но у них есть один изъян: вульва моих дочерей покрыта изнутри острыми зубами. Стоит кому-либо ввести в неё член, девушки тотчас откусывают его и превращают мужчину в жалкого кастрата. Оттого никто и не берёт их в жены!

— Бедняжки! — покачал головой Челенкоатль. — Они заслуживают лучшей доли! Если ты не против, я готов их полечить!

— Моё дело тебя предупредить, а там поступай, как знаешь, — заметил отец.

Войдя в дом, он сказал дочерям:

— Наш гость не прочь заняться с вами любовью. И хотя я честно предупредил его о грозящей опасности, он продол-

жает настаивать. Так что приготовьтесь встретить вашего нового мужа.

Вскоре появился Челенкоатль с кусками колючего кактуса в руках. Он велел девушкам снять набедренные повязки, лечь на лежанку и пошире раздвинуть ноги. Сёстры смущённо переглядывались и не спешили исполнить его просьбу.

– Ну же! – ободрил их Челенкоатль. – Вы должны слушаться меня как своего супруга!

Женщины покорно разделись и легли, после чего Челенкоатль втер каждой во влагище кусочек кактуса. Ощущение оказалось не из приятных! После проведённой операции женщины поспешно выбежали из дома, чтобы помочиться. И вот, когда они присели за кустиком, все выросшие в их вульве зубы выпали на землю.

– Теперь вы можете безбоязненно сближаться с мужчинами! – заметил Челенкоатль.

В подтверждении своих слов он совокупился по очереди с обеими сёстрами, ни мало при этом не пострадав.

– Оставайся у нас и живи в моём доме! – предложил старик Челенкоатлю.

– Я бы с удовольствием, – отвечал тот, – но прежде хочу отыскать мою сестру. Вот только ума не приложу, куда мне направиться!

Старик задумался, а потом сказал:

– Неподдалёку отсюда живёт одно племя, всеми делами там верховодят женщины, а мужчины у них на побегушках. Мы слыхали, что на днях к нему прибилась какая-то девушка. Может, это как раз твоя сестра?

– Кто его знает, но проверить не помешает, – согласился Челенкоатль. – А как случилось, что женщины в этом племени взяли такую власть?

– По недосмотру, – объяснил старик. – Мужчинам следовало лучше хранить свои священные флейты и ни за что не показывать их своим жёнам. Но они отнеслись к делу безответственно. Вот и случилось то, что случилось. Теперь флейты во власти женщин. Только они играют на них и танцуют с духами в дни полнолуния. Мужчины под страхом смерти не смеют даже приближаться к площадке для танцев.

– Следует пойти и как следует всё разведать! – решил юноша.

Он тронулся в путь и вскоре добрался до владений во-

инственных женщин. Неподалёку от деревни располагались возделанные поля, всю работу на которых выполняли мужчины. Они же готовили еду, варили пиво и ухаживали за детьми. Зато охотой занимались исключительно одни только женщины. Пробраться в деревню незамеченным не представлялось возможным, впрочем, Челенкоатль и не собирался этого делать. В тот же день он выследил в лесу свинью с поросятами. Матку он подстрелил, а поросят привязал к дереву. Затем он сплёл из лиан верёвку и устроил вокруг несколько капканов.

Днём две женщины из деревни как обычно отправились на охоту.

– Кто это визжит в лесу? – спросила одна из них. – Не иначе, маленький поросёнок отстал от матери.

– Пойдём, посмотрим! – поддержала другая.

Они углубились в кустарник и вскоре угодили в расставленные капканы. Через минуту обе висели вниз головой, раскачиваясь в крепкой петле. Появился Челенкоатль и насмешливо поприветствовал своих пленниц.

– Чем попусту паяться на нас, лучше помог бы спуститься на землю! – заявили они.

– Я-то не прочь, но чем вы мне оплатите за услугу?

Женщины стали наперебой предлагать ему свои украшения, оружие и красивые шкуры. Однако Челенкоатль всякий раз отрицательно качал головой.

– Всё это мне без надобности! – заявил он.

– Как же нам быть? – недоумевали женщины, – ничего другого мы тебе предложить не можем.

– Отнюдь! При вас осталось ещё кое-что, от чего я не стану отказываться! – тут он положил руку прямо на лоно ближайшей к нему пленницы.

– Мы бы предпочли не доводить дело до этого! – признались женщины. – Но если иначе нельзя, готовы уступить.

Челенкоатль ослабил верёвку, уложил одну из охотниц на траву, приподнял набедренную повязку и ввёл в её влагетище свой увесистый пенис. Вторая стояла рядом, покорно ожидая своей очереди. Затем она сменила подругу.

– Мы и не знали, что можно получать от соития столько наслаждения, – признались женщины перед тем, как отправиться восвояси. – Ни за что бы не подумали, что ты такой редкостный любовник! Ведь на вид ты такой же мужчина, как все остальные.

– Ни о ком не следует судить слишком поспешно, – рассудительно заметил Челенкоатль. – Я живу неподалёку, можете заглядывать ко мне, когда соскучитесь.

При первой же возможности охотницы воспользовались его любезным приглашением.

– Всё это время мы думали о тебе и твоём замечательном пенисе, – сообщили они. – Ведь он у тебя – настоящее чудо! Ничего подобного нам ещё никогда не приходилось видеть!

– А ваши мужья?

– Фи! О них не стоит даже вспоминать!

– Не хотите говорить о мужчинах – пожалуйста! Давайте побеседуем о девушках. Не прибилась к вам какая из них в последнее время?

– А как же! – дружно закивали женщины.

– И зовут её случайно не Комлало?

– Откуда ты знаешь? Она тебе, что жена?

– Ну что вы! Она моя сестра!

– Тогда другое дело! – успокоились охотницы.

– Устройте нам свидание?

– Лучше было бы не посвящать в наши отношения посторонних, – засомневались женщины.

– Ах, вот как! Значит, вы желаете, чтобы я ублажал вас просто так, ничего не получая взамен? Тогда отправляйтесь к своим мужьям и не показывайтесь мне на глаза!

– Ладно! Ладно! – поспешно согласились женщины. – Пусть будет по-твоему! Только не лишай нас своих ласк.

Условившись обо всём, они удобно устроились на траве и широко раздвинули ноги. Один только вид пениса Членкоатля приводил их в такое возбуждение, что из вульвы начинала обильно сочиться влага. Сын Огиро стал по очереди вводить свой член то в одно лоно, то в другое и постепенно довёл женщин до полного экстаза. Собираясь уходить домой, охотницы пообещали:

– Жди нас завтра на том же месте. Мы приведём твою сестру.

И они в точности исполнили своё обещание!

Увидев Комлало, Челенкоатль не мог сдержать своей радости.

– Не представляешь, как я рад тебя видеть! – без конца повторял он, обнимая и целуя сестру

– А я? – вздыхала Комлало. – Не представляешь, сколько мне пришлось пережить после твоего исчезновения!

Тут она принялась рассказывать про своих прежних мужей: про двух лесных людей, про крокодила и про тапира.

– Бедняга привёл меня сюда, но сам провалился в яму и сломал себе спину, – закончила девушка. – Вскоре я увидела здешних женщин. Они вытащили тапира, освежевали и изжарили его. Мне также пришлось им помогать. А потом я осталась жить в этом племени.

– Теперь, когда я тебя отыскал! – сказал Челенкоатль. – Ты должна мне помочь.

– Я сделаю всё, что ты скажешь!

– Знаешь, где хранятся священные флейты?

– В хижине посреди деревни.

– Сможешь принести их сегодня ночью?

– Попробую.

Отпустив Комлало, Челенкоатль подозвал двух её спутниц.

– Вы доставили мне огромное удовольствие, устроив свидание с сестрой! – объявил он. – Я постараюсь отплатить вам тем же. Раздевайтесь и идите ко мне!

Женщины обрадовались. Им так нравилось совокуплять-

сы с Челенкоатлем, что ни о чём другом они просто не могли думать. Всё оставшееся до вечера время они вновь и вновь соединялись с любовником и вернулись в деревню чрезвычайно довольные.

Тем временем Комлало готовилась исполнить просьбу брата. Когда наступила ночь, девушка тихонько пробралась в заветную хижину, взяла корзину со священными флейтами и отнесла её в лес.

– Я сделала всё, как ты хотел! – сообщила она. – Что предпримем дальше?

– Подождём утра.

На рассвете, заметив мужчин, которые рубили топорами деревья, расчищая место под новое поле, Челенкоатль смело направился к ним.

– Собираетесь работать на своих жен до самой смерти? – спросил он.

– А что нам остаётся делать? – разводили руками мужчины.

– Но ведь вы намного сильнее их!

– Так-то оно так, – соглашались те, – но зато у них священные флейты. А кто владеет флейтами, тот и общается с духами. Тут уж ничего не поделаешь!

– Нашли о чём беспокоиться! Если дело встало только за этим, мы его живо поправим.

Тут Челенкоатль открыл корзину и показал флейты. Вид священных инструментов чрезвычайно воодушевил муж-

чин.

– Действительно! – слышались голоса. – Сколько можно сносить наше унижение?

– Перед соседями стыдно!

– Давно пора поставить этих выскочек на место!

– Да о чём здесь долго говорить? Вооружайся, кто, чем может!

Мужчины устремились в лес, начали вытесывать себе щиты и палицы. Вслед за тем они нарвали плодов генипы и нанесли на лица боевую раскраску. Все горели необычайным воодушевлением.

Между тем женщины пребывали в растерянности. Ещё утром они обнаружили пропажу флейт, и теперь не знали, как им поступить.

– Надо пойти поискать вора, – предлагали одни, – он не мог далеко уйти.

– Где его теперь найдёшь! – возражали другие, – вылетела птичка – не поймаетшь!

И вдруг на окраине деревни слышались воинственные крики. Их сопровождала игра флейт.

– Кто это? – изумлённо спрашивали женщины, – кто это дует в наши флейты?

Нападение оказалось таким неожиданным, что отразить его не представлялось возможным. Размахивая палицами, мужчины рассыпались по деревне, нанося удары направо и налево. Те женщины, которые попытались оказать сопротив-

ление, были немедленно убиты. Остальные побросали оружие и стали молить о пощаде.

– Вспомните, что мы матери ваших детей! – говорили они. – Пусть главенство будет в ваших руках, только не убивайте нас.

– Вот вы как запели! О детях вспомнили! – сердито говорили им мужья. – И куда делась вся ваша заносчивость? В костёр их!

Женщины громко зарыдали от страха. Впрочем, мужчины больше никого не трогали. Все ждали, что скажет Челенкоатль. Ведь он был теперь их признанным вождём и предводителем.

– Плохо, когда женщины забывают своё место, – заметил Челенкоатль, – однако без них жизнь будет ещё хуже. Если ваши жёны готовы вернуться к исполнению домашних обязанностей и во всём слушаться мужчин, можно их пощадить.

Потом, повернувшись к женщинам, он спросил:

– Будете заниматься стряпнёй?

– Будем!

– А в поле согласны работать?

– Согласны!

– И за детьми станете следить?

– А что ещё нам остаётся?

– И учтите: никакой охоты! Отныне вы не должны брать в руки оружие!

Женщины закивали головами.

На том и порешили!

Иоиада

Зевс: Гермес, ты знаешь красавицу – дочь Инаха?

Гермес: Знаю, ты ведь говоришь об Ио.

Зевс: Представь себе, она больше не девушка, а тёлка.

Лукиан. «Разговоры богов»

1

Вскоре после потопа, в те годы, когда боги ещё не чурались людей и не считали зазорным для себя общаться с ними без посредников, в городе Аргосе правил царь по имени Инах – человек богатый, видный собой, богобоязненный, щедрый и мудрый.

У царя была дочка по имени Ио – девушка красивой наружности, острая на язык и лёгкая на ногу. Благодаря этим, а также многим другим достоинствам, о которых мы умолчим здесь для краткости, принцессу приняли в число спутниц Артемиды. Подобно остальным нимфам, Ио постоянно была занята охотой, весёлыми играми, различными проказами и услужением госпоже. Так прошло всё её отрочество. И впредь она бы ни за что не изменила своим привычкам, если бы в дело не вмешался всемогущий Зевс.

Владыка богов, наблюдавший иногда из укромного места за отважными охотницами, обратил внимание на красоту Ио и решил склонить её на любовную связь. И хотя его дочь Артемида ни за что не одобрила бы этих замыслов, Зевс надеялся легко добиться желаемого. Ведь ему хорошо было известно, что всем воспитанием принцессы занимаются три отбегавших свой срок служанки Артемиды. А эти старые ханжи так старательно избегали в своих наставлениях всякого намёка на непристойность, что оставили свою подопечную в

полном неведении относительно некоторых, весьма немаловажных вещей.

Взявшись за дело, Громовержец, прежде всего, стал посылать девушке томительные и сладостные сны. Бедняжка Ио лишилась покоя и однажды утром обратилась к одной из своих наставниц.

– Тётушка, – сказала она, – намедни мне приснился вещий сон.

– То, о чём ты говоришь, – отвечала старушка, – случается порой, когда боги общаются в ночной тиши с полюбившимися им смертными.

– Представь, – продолжала Ио, – я увидела себя на ложе совсем нагую, и рядом со мной возлежал юноша необыкновенной красоты. Никогда ещё мне не было так хорошо и так сладостно, как в ту минуту.

Седовласая нимфа с сомнением покачала головой и заметила:

– Доченька, этот сон, хотя и не вещий, но и не совсем пустой. И приснился он тебе кстати. Вижу, что ты стала взрослой, и пора открыть тебе глаза на некоторые условности. Прежде всего, пообещай мне, что никогда, ни при каких обстоятельствах не совлечёшь с себя одежду при мужчине.

– Право, тётушка, – удивилась Ио, – не возьму в толк, о чём ты говоришь. До сегодняшнего дня я раздевалась только во время купания. Что за беда, если в эту минуту меня увидит мужчина? Разве не такой же он человек? Или во мне

есть что-то безобразное?

– Напротив, – вздохнула наставница, – прелесть твоя так очевидна, что может стать соблазнительной. И потому я запрещаю тебе делить ложе с кем бы то ни было, а пуще всего – с мужчиной. Обещай мне это.

– Твои наказы, тётушка, для меня закон, – улыбнулась Ио. – Постараюсь не забыть из них ни одного слова.

– Ну и ступай с богом, – с облегчением произнесла старушка.

Судите сами, какова была польза от такого наставления!

Увидев, что ему нечего опасаться с этой стороны, лукавый Зевс решил приступить к осуществлению своих замыслов. Чтобы не вызывать подозрений в ревливой супруге Гере, Вседержитель объявил однажды, что отправляется на пир в страну блаженных эфиопов, а сам, приняв образ красивого юноши, перенесся поближе к Аргосу и укрылся в пастушеской лачуге неподалёку от того места, где его дочь Артемиды собиралась начать охоту.

Между тем беспечная Ио привязала к ногам сандалии и наполнила колчан пернатыми стрелами. Приготовляясь к погоне за дичью, она, конечно, не подозревала, что ей самой предстоит в этот день стать добычей небожителя и что уже выпущена приманка, которая завлечёт её в расставленные силки.

Едва нимфы вступили в лес, перед ними появился красавец-олень.

– Вот трофей, который по праву принадлежит мне! – воскликнула Ио.

Она спустила собак и лёгкая, как ветер, помчалась вслед за ними.

Хитрый олень, петляя между деревьями, постарался заманить охотницу поглубже в чащу и тут скрылся с глаз долой. К довершению несчастья разразилась гроза. Ливень припустил с такой силой, что промочил бедняжку с ног до головы. Она стала оглядываться в поисках укрытия и вскоре набрела на пастушескую лачугу. Принцесса постучала в дверь и жалобно попросила о помощи.

Сердобольный пастушок немедленно отворил девушке (он уже давно поджидал её). Несчастная так промокла и продрогла, что зуб у неё не попадал на зуб.

– Ах ты, горемычная! – всплеснул руками хозяин дома, – скорее выпей горячего вина, сними одежду и ложись в мою постель. А я пока что высушу твоё платье у огня.

– Ты добрый человек, – прошептала Ио, – но я не могу сделать того, что ты просишь. Моя тётушка строго запретила мне раздеваться перед мужчинами. Позволь погреться у твоего очага, а после я пойду своей дорогой.

– Что за нелепая спешка! – возразил юноша. – Я, конечно же, не стану навязывать своё гостеприимство силой, но, право, твоя стыдливость не доведёт до добра. Обсушись, погрейся, а там видно будет. Не думаю, что тётушка имела в виду мокрую одежду. Но, чтобы совершенно успокоить тебя,

я выйду за дверь.

И он сделал всё так, как говорил. А поскольку никто теперь её не видел, Ио спокойно разделась и забралась под одеяло (постелью пастуху служила медвежья шкура, брошенная прямо на пол). Вернувшись, хозяин дома развесил у очага мокрую одежду и предложил Ио вина с сыром. Затем он стал готовиться ко сну – достал из сундука ещё одну шкуру, расстелил её рядом с той, на которой лежала гостья, и прикрыл половинкой её одеяла.

– Постой-ка! – всполошилась девушка, – уж не собираешься ли ты уложить меня на своё ложе?

– А в чём дело? – спросил пастух. – Сама видишь – дом мой слишком мал. Где бы я не устроился, всё равно окажусь рядом.

– Но тётушка запретила мне делить ложе с мужчиной!

– Ну и на здоровье, – пожал плечами юноша, – у тебя своя шкура, а у меня – своя. Вот и выходит, что каждый спит на своей постели. А одеяло одно на двоих, потому что другого у меня нет.

Обезоружив Ио своими доводами, хитрец взялся за дело, то есть принялся обнимать и целовать гостью.

– Что это ты делаешь? – удивилась та.

– Растираю тебе кожу и согреваю её своим дыханием. Неужели тётушка наложила запрет и на это?

– Нет, ни о чём подобном она не говорила, – призналась Ио.

– Так в чём же дело? – обрадовался молодец и стал настойчиво стучаться в приоткрывшиеся уже наполовину двери. Простушка Ио, хотя и была немало удивлена происходящим, в конце концов всё же впустила его. И можете не сомневаться, – отведав неведомого угощения, она в другой раз уже не спрашивала: «Кто там?», а как радушная хозяйка открывала по первому требованию, так что пастух всю ночь вольготно гонял своё стадо на её лугах.

Проснувшись на другой день, Ио призналась новому другу, что провела прекрасную ночь.

– А я-то, глупая, – сказала она в сердцах, – думала, что знаю наперечёт все игры. А оказывается, самой интересной меня не научили!

– Не беда, – успокоил её пастух, – я научу тебя всем играм, которые знаю сам. Они покажутся тебе не менее занимательными.

– Вот будет мило! – захлопала в ладоши Ио.

Проказник так задурил ей голову, что она и думать забыла о своих подругах, а также о том, что ей давно пора возвращаться домой. Зевс тоже был не прочь продлить свои заботы, но неотложные дела призывали его на Олимп. Поэтому, не долго думая, он обратил Ио в прекрасную белоснежную корову и пустил её пастись на лугу с остальным стадом. Так, решил он, будет удобнее всего скрыть свою новую любовь от слепой ревности старых жён.

Но недаром говорят, что задумывающий дело слишком

хитро, сам же себя и обманывает! Прежде всего, свидание Зевса с Ио уже не было тайной. Накануне вечером, едва Громовержец удалился с Олимпа, сластолюбивая Деметра, тщетно ожидавшая его в своём чертоге, велела закладывать колесницу и отправилась вслед за неверным любовником. Неслышимая и невидимая, она подслушала весь разговор Крониона с совращаемой им девушкой и была немало раздосадована его изменой. Впрочем, Деметра благоразумно за-таила свой гнев. Встретившись утром с Герой, она, как бы невзначай, заметила ей:

– Ты всё сердишься на меня, сестра, и делаешь это совершенно напрасно, поскольку не я теперь приманиваю твоего супруга.

– Вот ещё! – надменно отвечала Гера, – да будет тебе известно, что я никогда не обращаю внимания на подобные пустяки. Как бы далеко не удалялся от меня Зевс, он всегда возвращается обратно. И это не удивительно! Ибо нельзя бесконечно кормить орла мошками, а льва – мышами.

– Возможно-возможно, – усмехнулась Деметра. – Но со вчерашнего дня наш повелитель всему остальному предпочитает коровье молочко. Если не веришь мне, то слетай к Аргосу – там он прячет своё стадо. Обрати особенное внимание на белую тёлку. Сдаётся мне, что сегодняшней ночью он не раз прикладывался к её сосцам!

Разбудив, таким образом, змею ревности в сердце соперницы, Деметра удалилась в свой чертог и стала ждать, что

случится дальше. А Гера, не откладывая дела в долгий ящик, отправила в Арголиду свою наперсницу Ириду. Рассмотрев всё хорошенько, та донесла богине, что неподалёку от города спрятано небольшое стадо, и в нём есть великолепная белая корова с длинными загнутыми рогами. Сообразив, что Деметра её не обманывает, и что супруг затеял новые шашни со смертной, волоокая дочь Крона пришла в неописуемую ярость. Некоторое время она размышляла, как ей лучше поступить – сразу ли наказать бессовестную разлучницу смертью или прибегнуть сначала к хитрости, чтобы потом полнее утолить свою месть. Наконец она решила, что второй путь много безопаснее и надёжнее. Придав лицу кроткий вид (насколько позволяла душившая её злоба), повелительница богов отправилась в покои мужа. Зевс пребывал там в самом весёлом и добродушном настроении.

Усевшись неподалёку с рукоделием, Гера принялась тихонечко вздыхать, то и дело смахивая со своих прекрасных глаз жемчужные слезинки.

– Что за кручина постигла тебя, моя любимая сестра? – спросил тронутый её печалью супруг, уже наполовину запутавшийся в расставленных для него сетях.

– Утром приходила Деметра, – отвечала хитрая богиня, – и хвасталась рубиновым ожерельем. Вот мне и грустно от того, что другим ты даришь сверх всякой меры, а я, твоя законная жена, даже слова ласкового порой не слышу!

– Есть о чём расстраиваться! – усмехнулся Кронион. –

Осуши слёзы и проси у меня всего, чего пожелаешь. Клянусь Стиксом, нет такой драгоценности, которую бы я не отдал по первому твоему требованию!

– Тогда, – воскликнула с торжеством Гера, – подари мне белую тёлку из твоего аргосского стада.

– Какой тебе в ней прок? – нахмурился Зевс, – лучше загляни в мою сокровищницу и выбери что-нибудь воистину ценное!

– А мне ничего другого не надо!

– Право, ты не знаешь, от чего отказываешься!

– Неужели, ты возьмёшь своё слово назад? – усмехнулась богиня.

– Отнюдь! – воскликнул Зевс грозно. – Бери, просимое, и ступай прочь. Но не говори потом, что это я экономлю на подарках.

– Не беспокойся, – заверила дочка Крона. – Мне известно, как высоко ценишь ты эту смазливую тёлку.

И она поспешно вышла из чертогов рассерженного супруга.

Завладев бедняжкой Ио, которая даже слова не могла сказать в своё оправдание, жестокосердная Гера велела охранять её великану Аргусу. Трудно было найти лучшего стража! Мало того, что этот исполин ростом и силой был под стать могучему циклопу, он ещё к тому же отличался редкой суровостью и неподкупностью. Вместо двух глаз Аргус имел целую сотню, рассыпанную по всему его телу: глаза были на руках, ногах, груди и даже на ягодицах, выставленных по этому случаю на всеобщее обозрение. Пока одни глаза Аргуса отдыхали, другие бодрствовали. Мыслимое ли это дело – бежать от такого тюремщика? Так бы и пришлось несчастной Ио коротать до самой смерти свой век в образе коровы, если бы Зевс не послал ей на помощь своего сына Гермеса.

Выждав до вечера, Гермес вдруг явился в Арголиде и как ни в чём не бывало направился к Аргусу. Великан сурово сдвинул все свои брови и произнёс с неприязнью:

– Только тебя здесь не хватало, Трисмегист! Вечно ты лезешь не в своё дело.

– И ты туда же, Аргус! – вздохнул Гермес и с видом крайнего утомления уселся неподалёку от Ио. – Мало того, что Зевс в конец замучил меня, гоняя по всему свету, ещё и старые друзья начинают шпынять, едва увидев. Воистину, я несчастнейший из всех олимпийцев! Днём бегаю без усталости,

исполняя поручения отца, а ночью тружусь на дядю – провожаю в Аид души умерших. А это, скажу тебе по секрету, сущее наказание, а не работа! Мёртвые ведь, как слепые кулята, тычутся в разные стороны и воют без умолку. И какая мне от всего этого выгода, скажи, пожалуйста? Одни оговорки и обиды!

– Не старайся разжалобить меня, Трисмегист, – сухо отвечал Аргус, – а лучше сразу лети туда, откуда явился. Девчонки этой вам не видать как своих ушей. Я с неё глаз не спущу, пусть хоть весь мир трещит по швам и летит в тартарары.

– Само собой, мой друг, – покачал головой Гермес. – Я и сам знаю, что украсть что-нибудь из-под твоего носа просто невысказанно. Немного посижу и отправлюсь. Одного я только не возьму в толк – к чему нам гавкаться, как собакам, из-за паршивой коровы? Разве не собратья мы по несчастью? Ты наказан тем, что принуждён стеречь её, не зная отдыха ни днём, ни ночью. Я же, несчастный, несу двойной груз невзгод. Ведь мне строжайше приказано не возвращаться без неё на Олимп!

– Пропадающее твоё дело, Трисмегист, – самодовольно ухмыльнулся Аргус, – только попробуй подойти, и я снесу тебе голову вот этой дубиной. И пусть я не буду больше сыном Геи, если ты после этого не отправишься на тот свет, хоть и считаешься бессмертным богом. Благо, дорогу ты уже знаешь и доберёшься без провожатых!

Услышав эту угрозу, Гермес тяжело вздохнул и поник го-

ловой.

– Скажи-ка мне, друг, – спросил он, – в старые времена тебе приходилось исполнять подобные поручения?

Хитрый Гермес не без умысла задал этот вопрос. Уж он-то знал слабое место в душе великана и умел его разговорить! Как и многие старики, изрядно повидавшие на своём веку (а почтенный страж принадлежал к первому поколению богов), Аргус любил при случае поругать молодёжь, а в особенности Зевса, которого он откровенно не жаловал. Так и сейчас он немедленно оседлал своего любимого конька и, прежде чем ответить Гермесу, громко расхохотался.

– Вот и видно, что ты ещё молокосос, Трисмегист, – сказал Аргус, вдоволь насмеявшись. – Да разве при прежних царях случалось этакое непотребство, чтобы два бога мозолили себе зады возле какой-то коровы? Брачные узы считались священными. А нынче, скажи на милость, разве не сошли все с ума? Зевс перебрюхатил на Олимпе всех богинь. Теперь он взялся за смертных. Очень мило! Намедни мне говорят: «Вседержитель наслал на землю потоп. Какой ужас! Там не осталось ни одного человека!» Не берите в голову, говорю, такие пустяки. Не пройдёт и года, как он заселит её вновь. А то кого же он будет таскать к себе в постель, если все бабёнки переселятся в царство Аида?

– Увы, – поддакнул Гермес, – целомудрие нынче не в почёте. А в последнее время в особенности! Ты ещё не слышал о весёлой каверзе, которую наши богини подстроили Пану?

Если у тебя есть желание, то послушай.

Аргус не возражал и Гермес начал свой рассказ: «Так вот, собрались раз Амфитрита, Афродита и Эос и начали, по своему обыкновению, перебивать косточки всем родным и знакомым. Слово за слово, зашёл у них разговор о воздержании. Афродита и говорит:

– С какой стороны не возьми, милые подруги, а выходит, что остались среди богинь только две девственницы: Афина и Артемида, да и те, между нами говоря, с придурью.

– Как это две, когда есть ещё одна! – воскликнула Амфитрита. – Ведь вы забыли про Пана!

Услыхав шутку, Эос и Афродита долго смеялись. Это и впрямь было очень забавное замечание. Пан, как тебе, Аргус, наверно, известно, совсем не блещёт красотой: ноги у него козлиные, тело покрыто шерстью, и к тому же он рогат от рождения – явный признак, что ему не суждено счастье в любви. Матушка его Дриопа забеременела им от пьяного сатира, а после раззвонила по всему свету, что отцом ребёнка будто бы был я. Ничего более нелепого она не могла выдумать! Но, как бы то ни было, она первая от него убежала, и с тех пор ни одна женщина не приближалась к Пану даже на расстояние полёта стрелы.

Нахохотавшись досыта, Эос говорит:

– Нехорошо смеяться, любезные подруги, над тем, кто обижен судьбой. Лучше давайте подумаем, как нам исправить эту несправедливость.

– Дело это не так легко устроить, как кажется, – возразила Амфитрита, – но ради удовольствия увидеть Пана за любовными утехами, я готова немного потрудиться. Только одно сомнение меня останавливает: есть ли у него то, что мы, грешные, больше всего ценим в мужчинах?

– Насчёт этого можешь не беспокоиться, – отвечает Эос, – я не раз видела по утрам, как Пан лежит, разбросавшись, на своём ложе, и поэтому могу смело утверждать: если бы его собственное достоинство было так же велико, как его мужское, мы бы давно имели его на месте Зевса. Но, увы, он слишком робок!

– Не беда! – говорит Афродита. – Мой сынок живо излечит его от чрезмерной скромности. Но с кем бы нам случить этого козленка?

Тут все три проказницы надолго задумались. Вдруг Амфитрита всплеснула руками и вскричала:

– До чего же мы глупы, сёстры! А нимфы Артемиды на что?

– И правда! – со смехом поддержала Афродита. – Сколько их без толку бегают по всей Аркадии! Пусть хоть одна потрудится во славу моего имени! А заодно проучим гордячку Артемиду!

Это соображение прибавило богиням энергии. Афродита тут же позвала Эроса и стала объяснять ему их замысел. Разбитной мальчишка понял всё, прежде, чем она успела сказать три слова, и, конечно же, согласился участвовать в их

проделке.

Договорившись обо всём, они гурьбой отправились в Аркадию, где бедняга Пан спокойно пас коз, не подозревая о сложившемся против него заговоре. Богиням Эрот велел скрыться возле источника, где обыкновенно купались нимфы, а сам отправился к сыну Дриопы и приветствовал его со всей возможной предупредительностью.

– И тебе того же желаю, мой друг, – отвечал ему Пан, – какие дела завлекли тебя в нашу глушь? Надеюсь, что приятные?

– Как тебе сказать? – хитро подмигнул ему Эрот, – мои дела везде одни и те же: соединять любящие сердца моими стрелами. Просто раньше мне было недосуг заняться тобою, а теперь, кажется, время пришло.

– Напрасно ты так шутишь со мной, Эрот, – печально вздохнул Пан, – или ты не видишь, как я уродлив? Зачем же говорить мне о любви?

– Э! – небрежно отмахнулся маленький шалопай, – не обижайся, братец, но ты ничего не смыслишь в женщинах. Иначе ты бы знал наверняка, что нет такого уroda, какого они отказались бы приласкать при случае. Любовь вообще чуждается рассудка, а любовь нимф в особенности. Ты только войди в их положение – кого они видят, кроме медведей, волков, да самих себя? А природа между тем берёт своё: весною бедняжек охватывает неясное томление, по ночам снятся мучительные сладостные сны, сердца их трепе-

шут, на устах играет рассеянная улыбка, дыхание учащается, щёчки вспыхивают стыдливым румянцем, душа переполняется предчувствием чего-то необыкновенного. Короче, любовь уже созрела в их сердцах и готова излиться на первого встречного. И кому какое дело, что встречный этот волосат и рогат?

– Когда бы оно так было! – откликнулся несчастный пастух.

– Всё так и только так! – заверил его Эрот. – Скажу тебе даже больше: одна из здешних нимф сохнет по тебе уже третью неделю, но всё не решается открыться. Видно считает себя недостаточно красивой!

– Невероятно! – удивился Пан.

– Напротив, всё идёт обычным чередом, мой милый. Но не хочешь ли ты взглянуть на неё?

– А это можно? – робко поинтересовался бедный влюблённый.

– Нет ничего проще! Она купается сейчас в источнике. Доверься мне, и я сведу вас в тихом местечке.

– А как её имя?

– Сиринга.

– Звучит как сладкая музыка, – прошептал пастух.

– То ли ещё заиграет в тебе, когда она поцелует тебя и нежно прижмётся бёдрами! – посулил Эрот. – Пойдём скорее к источнику, дабы ты мог усладить свой взор зрелищем её красоты!

Говоря так, проказник схватил ошалевшего Пана за руку и потащил в тот укромный уголок леса, где легконогие нимфы любили совершать омовение после охоты.

Теперь представь себе, Аргус, картину, открывшуюся перед глазами бедняги: семь или восемь прекрасных обнажённых девушек, не имеющих в себе никакого изъяна, плещутся в ручье или лежат на траве в живописных позах. Тут есть от чего тронуться умом, а что до нашего влюблённого, так он просто рехнулся от восторга. Но пока Пан, забыв обо всём, наслаждался своим счастьем, коварный Эрот извлёк из колчана стрелу и пустил её прямоком ему в сердце. Наш рогатый воздыхатель мгновенно пришёл в неизъяснимое возбуждение и выскочил из кустов с такой стремительностью, словно он был лев, бросающийся на добычу. Нимфы, внезапно увидев его перед собой, завопили от ужаса. Они сразу догадались, какая опасность им угрожает! Даже если бы весь облик Пана, то есть горящие глаза и всклокоченная шерсть, не говорили им слишком ясно о его замыслах, один вид его готового к бою копья мог навести трепет на кого угодно. Сиринга, крича громче всех, отпрыгнула назад, и Эрот, метивший в неё стрелой, промахнулся, что случается с ним чрезвычайно редко. Пущенная им стрела унеслась в одну сторону, а нимфа бросилась наутёк в другую. Пан припустил за ней, и оба они в одно мгновение скрылись из глаз.

Три насмешницы, устроившие для себя весь этот спектакль, были сильно раздосадованы его внезапным окончани-

ем и принялись бранить Эроса за нерасторопность.

– Слов нет, милые тётушки, – согласился легкокрылый мальчишка, – я виноват перед вами. Но не будем терять времени и посмотрим, чем кончится эта охота.

– И правда, подруги, – заметила Афродита, – не всё ещё потеряно. Давайте поднимемся на облако и оглядимся. Очень может быть, что наш козлёнок ещё не успел покрыть свою подружку. Тогда мы увидим то, ради чего здесь собрались.

Вся компания вознеслась на облако и сразу увидела бегущих. Пан, делавший огромные прыжки, почти догнал Сирингу и готовился схватить её за развевающиеся волосы, а та убегала с таким отчаянным криком, словно за ней гналась сама смерть.

– Бедняжка, – вздохнула Эос, – мне даже стало жаль её: быть подмятым таким чудовищем совсем не сладко.

– Пустое! – легкомысленно тряхнула головой Амфитрита. – Мужчина лишь в первом порыве напорист как булат. Получив желаемое, он млеет и становится мягче воска. Сколько раз я принимала на ложе Посейдона, пришедшего ко мне в блеске молний и реве урагана, и он всегда уходил от меня усмирённым и ласковым, как весенний бриз.

– Да и было бы, о чём жалеть! – подхватила Афродита. – Кроме глупого её девства Пан уж верно ничего не унесёт с собой. А этот груз, конечно, не из тех, что красят женщину. Болтая таким образом, богини наблюдали за Сирингой.

Между тем нимфа добежала до берега Алфея, упала на колени и стала молить о помощи.

– О, быстроструйный Алфей, – прошептала она, – ты видишь мою боль и мою печаль. Прими же меня к себе, как принимал всегда! Скрой меня от глаз насильника, ибо я готова скорее умереть, чем достаться ему на поругание!

Не успела она договорить последнее слово, как руки её вытянулись вверх, ноги ушли под воду, тело съёжилось, округлилось, и Сиринга на глазах изумлённого Пана обратилась в тростник. Лишь его он и смог обнять, когда добежал до реки...

– Несчастливая девушка! – вздохнула Эос.

– Не стоит её жалеть, – презрительно сказала Афродита, – она поступила как последняя дура. Что теперь прикажете делать с Паном?

– Предоставьте его мне, – попросил Эрот.

Слетев с облака, хитрец явился перед несчастным влюблённым.

– Взываю к твоей совести, Эрот! – завопил пастух. – Разве не ты говорил мне о любви этой нимфы? И что же вышло на самом деле? Она изменила облик, лишь бы не знаться со мной!

– Всему виной твоё нетерпение, – возразил Эрот, – и пусть это послужит тебе уроком на будущее. Видишь сам – женщины не любят излишней спешки. Но не следует терять аппетита от того, что на земле стало одной красоткой меньше.

Лучше срежь этот тростник, потом склей друг с другом трубочки разной длины. Подуй в них, и ты услышишь голос Сиринги. Что-то она нам скажет?»

– Вот такая история, Аргус, случилась у нас на днях, – закончил свой рассказ Гермес.

– Определённо, вы не теряете время даром, – заметил великан. – Но что же Пан?

– С ним всё в порядке, – усмехнулся Гермес. – Пан поступил так, как велел ему Эрот. Оказалось, этот глупый тростник ещё на что-то годится. Пан склеил из него свирель, и теперь его игра у нас в большой моде. Кифара Аполлона забыта, а сам он готов волосы рвать от досады. И поделом – пусть не задаётся! Однако, не сыграть ли тебе что-нибудь? Есть у меня и лира и свирель. Что тебе больше по вкусу?

– Лиру я уже слышал, – ответил Аргус, – а свирель пока не приходилось.

– Тогда прочисти свои уши и одари меня вниманием!

С этими словами Гермес вытащил пастушескую свирель и приложил её к губам. Над землёй поплыли звуки столь сладостные и чарующие, что Аргус забыл от восторга обо всём окружающем. Быть может, это покажется неожиданным, но великан умел наслаждаться музыкой, а Гермес имел славу одного из лучших музыкантов Олимпа. С упоением требовал Аргус, чтобы Гермес играл ещё и ещё. А тот, не обращая внимания на усталость, извлекал из своей свирели всё новые и новые пассажи. Наконец он заиграл тихую, баюка-

ющую мелодию, от которой глаза Аргуса стали закрываться один за другим. А Гермес всё играл и играл. От его колыбельной заснула вся округа: птицы попадали на землю, деревья перестали шелестеть, а бабочки порхать, Ио уткнулась носом в землю, Аргуса же впервые в жизни сморил сон.

Заметив это, коварный Гермес некоторое время любовался на дело своих рук; потом, бесшумно ступая, подкрался к своему недругу и одним ударом меча снёс ему голову. Закончив с великаном, Гермес разбудил Ио, нагнулся к её уху и прошептал:

– Вот что, красотка, если ты не прочь избавиться от своих рогов, то беги скорее отсюда. А там решим, что нам с тобой делать.

Поздно ночью Зевс незаметно прилетел в Арголиду и стал совещаться с Гермесом о том, как им вести дела дальше.

– Вся беда в том, – вздохнул Вседержитель, – что я связан нерушимой клятвой и не могу вернуть этой девушке прежнего облика.

– Неужели ей суждено и впредь оставаться коровой? – огорчился Гермес.

– Само собой нет! – нахмурился Зевс, – но расколдовать её теперь дело хлопотливое. Коровья личина спадёт с несчастной только тогда, когда она отведаёт живой цветок лотоса.

– Можно обратиться за помощью к тётушке Деметре, – предложил Гермес. – Ведь ей ничего не стоит раздобыть для нас лотос.

– Думаю, это толковая мысль, – согласился Зевс. – Хотя сестрица и дулась на меня весь сегодняшний день, она, конечно, не откажет в такой мелкой услуге. Вот только где её искать?

– Говорят, она отбыла на Крит, – сказал Гермес. – Тётушка обучает земледелию братца Иасиона. Похоже, она возлагает на него большие надежды.

– И промахнётся, как всегда, – уверенно предрек Зевс. – Однако поспешим за ними. Не ровен час, Гера проведает,

что мы сделали с её стражем. Вот тогда нам достанется на орехи!

Вседержитель взвалил Ио на плечи Гермесу, а сам превратился в могучего орла. Через минуту оба бога уже мчались над морем в сторону Крита. И тому и другому не терпелось поскорее покончить с этим щекотливым делом. Но судьба приготовила для них новое испытание.

Дело в том, что Деметра, раздосадованная изменой Зевса, решила отыгаться, наставив ему рога. С этой целью она и отправилась на Крит в обществе юного Иасиона. Когда Зевс и его спутник добрались до острова, они увидели вблизи высокой горы Иды большое, трижды вспаханное поле, а на нём Деметру с её племянником. Иасион то и дело отпускал в адрес тётушки весёлые шутки, а богиня отвечала ему серебряным смехом. Лицо у Деметры покраснелось, глаза поблёскивали, но видно было, что игра пришлась ей по вкусу.

– Ты такая хорошенькая, тётя, – говорил Иасион, заключив богиню в объятия, – подари мне один поцелуй, и я тебя отпущу.

– Отставь меня, обманщик, – отбивалась Деметра, – ты уже и так поцеловал меня много раз и всё без спроса. А разреши я хоть что-нибудь, ты и вовсе от меня не отстанешь!

– Не хочу воровать ласки! – воскликнул Иасион, разжимая руки. – Признайся, тётя, что ты просто боишься любви!

Хотя Деметру ничего не удерживало, она и думать не думала спастись бегством. Уперши руки в бока, богиня смот-

рела на Иасиона с нескрываемым озорством.

– Ах, вот как, господин юнец, – отвечала она с улыбкой, – значит, это я боюсь любви? Побереги свои крылышки и не подлетай слишком близко к моему огню, а то оставлю от тебя одни угольки.

– Не пугайте, тётушка, бывалого бойца, – в тон ей заметил Иасион. – Уж что-что, а твой огонь я осилю, если только сумею его разглядеть.

– Нет, какова дерзость! – капризно топнула ножкой Деметра. – Если бы не дела, я бы задержалась на часок, чтобы научить тебя кое-чему!

– О чём же беспокоиться? Клянусь Эротом, тётушка, ты запросишь пощады уже через минуту, – насмешливо возразил Иасион. – По всему видать, что на Олимпе вам не часто перепадают любовные утехы. Ведь не может Зевс угодить сразу всем!

– Жалкий лгунишка! – пожала плечами Деметра. – Хотелось бы взглянуть, что ты скрываешь под своим хитоном. Впрочем, и без того ясно, на что ты годишься! Со мной лучше не связываться, а то я заезжу тебя до смерти!

– Да ваша кобылка отдаст богу душу после первого же круга!

– Если только твой наездник сумеет её укротить! Лошадка у меня с норовом!

– Когда мне бросают вызов, – воскликнул Иасион, – я не бегу и не увертываюсь, словно последний трус. Так что дер-

жись, тётушка! Сейчас ты узнаешь, как я умею объезжать дикарок!

– А я, когда мне угрожают копьём, не зову на помощь и не бегу за подмогой, – не менее пылко отвечала Деметра. – Если схватка началась, то пусть она идёт своим чередом. А там – как будет угодно Афродите!

Обменявшись этими угрозами, они тотчас приступили к жаркой битве. И поскольку оба противника стояли друг друга, они разыграли перед лазами изумлённого Зевса подлинное сражение по всем правилам любовной науки. Наконец Иасион обхватил богиню сзади, сдавил ей бёдра и, прижавшись животом к её ягодицам, заметил с торжеством:

– Вот, тётушка, я и взнуздal твою кобылку!

– Ну, тогда держись крепче и смотри не вылети из седла, – посоветовала она со смехом.

Они принялись трудиться с таким пылом, что в какие-нибудь четверть часа промчались два полных круга, и при этом оказалось, что Иасион умеет не только скакать верхом, но и в цель своим копьём попадает без промаха.

Насытившись плодами Афродиты, оба упали друг другу в объятия. А Деметра сказала:

– Немного стоили твои обещания, Иасион! Да и где тебе угнаться за мной! Сейчас я покажу, что значит настоящие скачки!

С этими словами она стала подбадривать и обхаживать его верхового, а когда тот опять почувствовал силу, сама вскочи-

ла на него и, сжав коленями бёдра Иасиона, ударилась в такой галоп, что без единой остановки отскакала ещё два круга, не меняя лошади.

– Теперь я немного заморила червячка, – заметила богиня. – Будь у меня побольше времени, я бы оставила от тебя только кожу, да кости.

– Не хвались наперёд, тётушка, – возразил Иасион. – Я не старик, вроде Зевса. И пощады ещё не просил!

– И напрасно, клянусь Олимпом! – взорвался задетый за живое Зевс. – Тебе самое время подумать об этом, лукавый распутник!

Его появление стало для любовников полной неожиданностью.

– Спаси и сохрани меня Антропос, – пробормотала Деметра, – это же мой брат!

– Собственной персоной, изменница! Сейчас ты в этом убедишься!

И переходя от слов к делу, Вседержитель запустил в дерзкую парочку огненным перуном. То-то началась суматоха! Иасион упал как подкошенный, и душа его умчалась в Аид, радуясь, что хоть так смогла укрыться от гнева Зевса. А Деметра, ослепшая от боли и страха, метнулась в сторону и оказалась нос к носу с Ио. Не теряя ни мгновения, богиня вошла в тело коровы, укрывшись в ней, как в крепости, и припустила со всех ног в сторону моря... Если бы несчастная знала, что из этого выйдет, она бы ни за что не решилась на

такой отчаянный шаг. Ведь не успела Деметра добежать до берега, как оказалась в ещё худшем положении. Только виновницей её злключения на этот раз была Гера. Когда волоокая дочь Крона узнала о пропаже Ио, она чуть с ума не сошла от ярости. Изрыгая ужасные проклятья, Гера обратилась в огромного ядовитого овода и устремилась по следам беглянки. Она настигла её спустя короткое время после описанных событий и, не медля ни мгновения, всадила в широкий коровий зад своё ядовитое жало.

Деметра сперепугу вообразила, что это какая-то новая выходка Зевса. Задрав хвост трубой, она бросилась в море и поплыла прочь от острова. Овод не оставлял её ни на мгновение. Вновь и вновь он жалил несчастную, а та отвечала на это лишь жалобным мычанием. Вскоре обе богини исчезли в темноте.

Зевс и Гермес несколько минут ошалело смотрели друг на друга. Потом Громовержец мрачно заметил:

– Что за несчастный день у меня сегодня, сынок! Всё, за что я не возьмусь, выходит вкривь и вкось. Вот и сейчас даже страшно подумать, в каком нелепом положении мы оказались. Ио стала темницей для Деметры, а Гера стражем для них обоих. Выходит, что ключ от тюрьмы заперт в ней самой, а часового у дверей нам вовек не подкупить.

– Не надо отчаиваться, – возразил Гермес. – Под стены любой тюрьмы можно подвести подкоп, всякую дверь открыть без ключа, а стража, если он неподкупен, обмануть.

Тем более что трёх женщин зараз легче одурачить, чем каждую из них поодиночке. Предоставь мне свободу действий, батюшка, а я постараюсь как-нибудь решить эту головоломку.

– Ты считаешь, ещё не всё потеряно? – с надеждой спросил Зевс. – Окажи услугу – придумай, как нам выпутаться из этой идиотской истории. Чую, что без твоей помощи мне это дело не кончить.

– Есть из-за чего волноваться, батюшка! – небрежно заметил Гермес. – Ты уже сделал своё дело в тот день, когда почтил вниманием мою матушку Майю. Ведь с тех пор, как я появился на свет, неразрешимых проблем для тебя просто не существует. Спокойно отправляйся домой и ложись спать, а я тем временем сделаю всё наилучшим образом!

Растроганный Зевс, обняв на прощание сына, отбыл во свояси. Проводив его взглядом, Гермес почесал затылок. «Приятно давать красивые обещания, – пробормотал он вполголоса, – вся беда в том, что их надобно потом исполнять! Вот будет штука, если я не справлюсь с подобной чепуховиной!» Хитрец устремил взор в звёздное небо и крепко задумался. «Вздор! – воскликнул он вдруг со смехом. – Чтوب я да не выпутался из этой переделки! Прежде всего, следует разделить задачу. Итак, тётушку Деметру мы оставим на потом, а прежде подумаем, как нам ублажить тётушку Геру. Обмануть её, пожалуй, не удастся, но подкупить, думаю, можно! Вот только что ей посулить?»

Гермес принялся мерить шагами берег, что-то бормоча себе под нос. «Ха! – крикнул он спустя полчаса и звонко хлопнул себя по лбу. – Право, я не узнаю себя! Как это мне сразу не пришло на ум? Чем легче всего купить ревнивую гордячку? Надобно предоставить ей минуточку торжества! О, ради этого она готова на всё. Что ж, подарим тётушке это удовольствие. Пусть почувствует себя верхом на коне. Только дело это очень тонкое и опасное. Если случится осечка, не сносить мне головы!»

Гермес замолчал, обдумывая свою затею. «Но, с другой стороны, – продолжал он с воодушевлением, – зачем мне всё делать самому? Разве мало на свете дурачков, готовых головой пятернёй таскать из огня каштаны? Да что там пятернёй! Они всю руку готовы сжечь, лишь бы прославиться! И я даже знаю одного из них. Прометей! – вот кто мне нужен. Отдадим должное его хитрости – плут он порядочный и сумел-таки отмочить за свою жизнь парочку недурных фокусов. Чего стоит хотя бы проделка с божественным огнём, который он умудрился стащить прямо из-под носа у брата Гефеста! Да только я буду похитрее и заставлю его плясать под свою дудку. Решено! немедленно лечу к Прометею. Пусть похлебает каши, которую я заварю!»

Теперь мы оставим на некоторое время пределы Греции и отправимся следом за Гермесом на запад, туда, где небосвод сходится с землёй, где шумит, обтекая сушу, великий Океан и где открываются взору печальные долины страны мёрт-

вых. Ведь именно здесь располагались жилища тех немногих титанов, которые уцелели в великой войне с олимпийцами (остальные, как известно, мыкали свой век глубоко под землёй в бездонной пропасти Тартара).

Величественный замок Прометея, сложенный из больших, тщательно обтёсанных гранитных плит, располагался здесь же, на берегу. Любому из нас, для того, чтобы добраться до него, потребовалось бы много времени и сил. Но Гермес оказался под его высокими стенами прежде, чем мы успели бы сосчитать до трёх. Ему ведь не впервой было облетать землю на своих волшебных крылатых сандалиях!

Сын Зевса постучался в закрытые ворота и без промедления был допущен в чертоги Прометея.

– Приветствую вас, дядюшка, – промолвил он, – вот, оказался в ваших краях и зашёл провести по-родственному, без церемоний.

– Bravo, bravo, племянничек! – откликнулся Прометей, пытливо всматриваясь в безусое лицо своего гостя. – Наслышан, наслышан о твоих последних проделках!

– Оставь, дядя, – потупился Гермес, – нам до тебя далеко.

– Только не надо рядиться в скромника! – усмехнулся Прометей. Он щёлкнул пальцами и тотчас две красивые служанки подвинули Гермесу мягкое кресло, а третья подкатила столик, на котором стоял кубок с прохладным нектаром. – Хотя мы живём на краю света, новости до нас иногда всё-таки доходят.

– Я всего лишь отдаю тебе должное, – осторожно заметил сын Майи. – А что до новостей, то хочешь самую свежую? Мой разлюбленный батюшка поссорился со своей женой!

Прометей расхохотался.

– Мой юный друг! – заметил он. – Этой новости в обед сто лет! Назовите мне хоть один такой день, когда бы Зевс и Гера не грызлись между собой, словно кошка с собакой. Вечно одна и та же история: он не может пропустить ни одной смазливой девчонки, а она бесится от злости и бессилия!

– Ты прав, дядюшка! – с загадочной улыбкой откликнулся Гермес. – Но вот, что я тебе скажу: если новая история началась также, как начинались прежние, ещё не факт, что она будет иметь тот же конец!

Титан изобразил на лице гримасу удивления. Гермес наклонился к нему и заговорил вполголоса:

– Случилось так, что Гера завладела одним существом, чьей жизнью Зевс очень дорожит. Речь идёт о прекрасной белой тёлке, которую мне поручено добыть, во что бы то ни стало!

– И кто она? – поинтересовался Прометей.

– Я знаю, что ты всё равно всё выведаешь, – широко улыбнулся Гермес, – поэтому говорю без всяких недомолвок: под видом коровы страдает Ио, дочь аргосского царя Инаха. Бедняжка попала в такой переплёт, что слёзы на глаза наворачиваются, как подумаю о ней. Надеюсь, ты поможешь её выволить?

Прометей промолчал. Тогда Гермес, подвинувшись поближе, изложил титану свой план действий. Он был настолько дерзким и необычным, что хозяин поначалу лишился дара речи. Но потом он схватился за бока и принялся хохотать как сумасшедший.

– Нет, воскликнул он, с трудом переводя дыхание, – это просто ни на что не похоже! Такого мне не приходилось слышать никогда! Неужели ты сам это придумал?

– Так ты согласен?

– Полностью и абсолютно! Ради такой шутки я готов рискнуть чем угодно. Пускай меня прикуют за это к скале и низвергнут в Тартар, и пусть воронье склюёт мою печень. Игра стоит свеч!

– Ну, тогда по рукам, дядюшка! – воскликнул довольный Гермес, – а теперь давай всё хорошенько обсудим, чтобы нам, не дай бог, не опростоволоситься.

4

Но возвратимся к Гере. Ей, несчастной, тоже пришлось провести бессонную ночь. Как уже говорилось, волоокая дочь Крона, обратившись в огромного ядовитого овода, преследовала корову, в образе которой скрывались сразу две ненавистные ей разлучницы. Гера с таким усердием жалила их обеих, что даже немного запарилась. Пленницы вопили дурными голосами, но, конечно, не добились никакого снисхождения.

В прежние времена торжество над соперницами всегда до-

ставляло Гере мрачное наслаждение, но сегодня она напрасно искала в своём ожесточённом сердце, хоть какого-то удовлетворения. «Ах, какая тоска! – воскликнула богиня про себя, – какая тоска и какая мерзость то, чем я сейчас занимаюсь! Разве можно было вообразить ещё недавно, что я, царица богов, опущусь до такого ничтожества? Как это мелко – кусать за задницу какую-то глупую девчонку, переспавшую по глупости с твоим глупым мужем!»

Мысль о Зевсе всколыхнула в душе Геры новую волну ревности. «Вот кто виноват во всех моих несчастьях! Вот кто довёл меня до такого унижения! – закричала она в бешенстве. – Как я мучаюсь и как я страдаю из-за этого неблагодарного обманщика! Как он посмел предпочесть мне какую-то коро-ву, от которой несёт навозом и кислым молоком? Неблагодарный, грубый мужлан! Но почему я не могу отплатить ему тем же? Ах, с каким бы наслаждением я наставила ему рога! Но не втайне от всех, нет! А также как это делает он сам – с наглой разнузданностью, на виду у всего мира! Чтобы он бесился от ревности и бессилия, видя меня в объятиях другого!»

Так говорила Гера, предполагая, что ведёт беседу сама с собой. Однако она ошибалась

– Есть о чём сокрушаться! – послышался чей-то голос за её спиной. – Уж что-что, а этот спектакль ты всегда можешь устроить! Было бы только желание.

Богиня быстро огляделась и увидела большого чёрного

филина, который бесшумно парил в ночном небе.

– Кто ты? – с тревогой спросила она.

– Не буду притворяться твоим искренним другом, – произнёс незнакомец, – но зато могу смело отрекомендоваться твоим единомышленником.

– Не темни! Говори яснее, если ждёшь от меня доверия, – потребовала Гера.

– Скажем так, – усмехнулся неведомый попутчик, – я осторожный противник Зевса. Бросить ему вызов всерьёз я, пожалуй, поостерегся бы, но если речь идёт о мелких каверзах, о ловких проделках, о розыгрышах и плутовстве, то тут я всегда готов к твоим услугам. Лучшего помощника тебе не сыскать во всей вселенной.

– Имя! Назови своё имя!

– Уговоримся так, – предложил филин. – Видишь, вдали вздымается берег? Это остров Эгилия. Поклянись, что ты не донёсёшь о моём предложении мужу, а после усядемся где-нибудь в горном ущелье, примем наше обычное обличие и обсудим все детали.

– Пусть будет по-твоему, – согласилась дочь Крона. – Клянись водами Стикса, что не желаю тебе зла. Можешь спокойно открыть своё лицо!

В то же мгновение они достигли суши. Гера вновь приняла облик величественной женщины, а филин, коснувшись прибрежных камней, обратился в невысокого коренастого мужчину.

– Прометей, – пробормотала богиня с видимым облегчением. – Ну, конечно! Кто ещё согласился бы с такой охотой взяться за ремесло сводни!

– Кузина, – промолвил титан, – прежде, чем я изложу тебе свой план, позволь рассказать одну историю. Она кажется мне весьма поучительной!

Гера кивнула.

– Ты ведь конечно знаешь фессалийского царя Флегия? – продолжал Прометей. – Говоря откровенно, он большой пройдоха, однако пользуется любовью Зевса, и это нам на руку. У Флегия есть сын по имени Иксион и дочка, которую зовут Коронида.

– Уж не та ли это Коронида, что свела с ума нашего Аполлона? – спросила богиня. – Та, из-за которой он забросил Олимп и сделался завзятым греком?

– Она самая! – подтвердил титан. – Твой пасынок весьма напористо взялся за дело и прямо-таки навязался Флегию в зятя. Хочешь – не хочешь, царю пришлось принять его ухаживания, ведь ссориться с богами ему совсем не резон. Надо признать, что личико и фигурка у принцессы очень даже недурны, но если судить о женщине по её добродетели, то тут Корониде нечем похвастаться. Вот и выходит, что Аполлон, ей совсем не пара.

– Что ты говоришь! – удивилась Гера.

– Ну, о чём здесь много толковать? Ты же знаешь, кузина, нашего Феба! Разве он когда-нибудь шёл к цели прямым

путём? Явившись на свидание к возлюбленной, он поначалу битый час тренькает на своей кифаре. А когда бедняжку одолевает сон и она начинает основательно клевать носом, он ударяется в поэзию и забивает ей голову своими стихами. Несчастливая с ума сходит от скуки и теряется в догадках: когда же он додумается повернуть оглобли в нужную сторону? Вот, кажется, всё – дело доходит до поцелуев. Ещё шаг – и он у цели. Однако шалишь! Тут на небе появляется луна. Начинаются вздохи и ахи, выражения восторга и рассуждения о вечном. А там не за горами восход солнца – новый повод разразиться поэмой! После чего наш кифаред поспешно ретируется, сославшись на дела, а Коронида готова просто рыдать от досады. И в самом деле – какая нелёгкая угораздила её спутаться с богом-эстетом? Будь на его месте смертный попроще, она бы по три раза за ночь вкушала внеземное блаженство, не покидая пределов своей спальни.

– Всё это очень забавно, – усмехнулась Гера, – но какое мне до этого дело?

– Самое что ни на есть прямое! Братец её Иксион (к слову сказать, тоже паренёк не промах) постоянно потешался над Коронидой, отпуская в её адрес разные ядовитые шуточки. Наша принцесса долго крепилась, но, в конце концов, не выдержала – ведь даже ангельскому терпению приходит конец! Так вот, как-то раз, после очередной бессонной ночи, во время которой Аполлон без конца кормил её пустыми баснями, но так и не нашёл времени для самого главного, Коронида

пришла в ярость. По уходу возлюбленного она вызывает к себе Иксиона и говорит ему:

– Признайся, негодник, ты, наверняка, считаешь меня за круглую дурочку?

– Как тебе сказать? – отвечает Иксион. – За будущее не поручусь, но пока что круглей тебя я ещё никого не видывал.

– А ты, значит, умник из умников? – опять спрашивает Коронида.

– Ну, может, и не из всех умников умник, – отшучивается Иксион, – но, по крайней мере, времени зря не теряю.

– А не много ли ты о себе возомнил, бездельник?

– Каков есть, таков есть: лишнего не возьму, однако унижаться тоже не желаю!

– Хорошо! – воскликнула Коронида. – Долой пустые разговоры! Чтобы показать, как ты во мне ошибался, я берусь трижды наставить рога моему ненаглядному, и сделаю это так ловко, что он будет всё время поблизости, но ни о чём таком не догадается!

– Дело нешуточное, – отвечает Иксион, – не каждому оно по силам, но ведь и я не лыком шит. Если ты свершишь, что обещала, я отмоchu шутку получше: я уведу жену у кого-нибудь из олимпийцев и прямо на его глазах отделаю так, что мало не покажется. Однако он, бедняга, ничего не поймёт и ни о чём таком даже не заподозрит!

Уговорившись обо всём, брат и сестра тотчас приступили к исполнению задуманного. Надо сказать, что на примете

у Коронида уже давно был один славный юноша по имени Исхий. Он был горячо влюблён в принцессу и оказывал ей недвусмысленные знаки внимания, однако она до поры никак на них не отвечала. Теперь же Коронида сделалась очень нежна к юноше и при каждом удобном случае одаривала его страстными взглядами. Всего за несколько дней ей удалось разжечь в сердце Исхия такой неистовый пожар, что он за одну только минуту близости с любимой готов был отдать капля за каплей всю свою кровь.

Принцесса убедилась, что её старания не пропали даром, и послала к юноше одну из своих верных служанок. Та, встретив красавчика на улице, шепнула ему на ухо:

– Гнёздышко моей госпожи соскучилось по горячим петушкам, да вот беда – поблизости нет ни одного подходящего!

– А что же тот петушок, что живёт в вашем курятнике?

– На него надежда плохая, – вздохнула служанка, – он норовит отделаться одним только кукареканьем, а на счёт того, чтобы лишний раз потоптаться – это у него туго.

– Если дело встало только за этим, то мой петушок придётся вашей госпоже по вкусу, – в тон ей отвечал Исхий. – Он у меня парень тихий, но зато работающий.

– Тогда милости просим – не оставляйте нас своим вниманием. Сами-то мы птички подневольные – из курятника ни ногой.

– Об этом не беспокойтесь, – промолвил отважный Ис-

хий, — только бы ваше гнёздышко оставалось таким же гостеприимным, а уж как в него попасть — это наша забота.

В тот же день Исхий купил длинные фальшивые волосы, переоделся в женское платье, подвязал под него искусственные груди и явился в таком виде к Корониде, словно был её новой прислужницей. Заметив его выдумку, принцесса пришла в восторг, но виду не подала. Весь день она провела в обычных заботах. Когда же приблизился вечер, Коронида попросила Аполлона:

— Милый, мне так нравится твоя игра! Давай устроим сегодня концерт. Ты станешь посередине двора, а я, мои придворные дамы, служанки и рабыни будем слушать тебя возле открытых окон. Тогда каждая из нас сможет сполна насладиться твоей божественной музыкой.

Аполлон, польщённый оказанным ему вниманием, тотчас согласился на просьбу возлюбленной. Он перекинул через плечо ремень кифары, спустился на вымощенный камнями двор и ударил по струнам. Над землёй понеслись восхитительные звуки. Все приближённые принцессы сгрудились возле окон и с восторгом внимали Аполлону. Сама Коронида избрала для себя небольшую комнатку на втором этаже возле спальни. Рядом с ней находились только самые верные служанки. Сгрудившись вокруг принцессы, которая стояла, опершись локтями на низкий подоконник, они совершенно закрывали от посторонних глаз внутреннюю часть комнаты. Таким образом, Аполлон, бывший внизу, мог видеть одни

только восторженные глаза, устремлённые на него со всех сторон. Именно этого и добивалась хитрая Коронида. Она сделал вид, что полностью поглощена игрой возлюбленного, а сама потихоньку приподняла подол короткого хитона, распустила пояс и открыла взорам Исхия свои очаровательные ягодички. Никакого другого знака тому и не требовалось. Неслышно приблизившись к принцессе сзади, он тотчас выпустил на волю своего петушка, а тот уже сам отыскивал дорогу в потаенное гнёздышко. Как и было обещано, ему оказали здесь самый, что ни на есть нежный приём.

Ни один из прежних концертов Аполлона не имел такого успеха! И никогда ещё Коронида не слушала его игру с таким самозабвенным вниманием. Её глаза были наполовину прикрыты и словно подёрнулись лёгкой паволокой. Волосы в беспорядке выбились из-под повязки. Щёчки порозовели. Из полуоткрытого рта вырывалось горячее дыхание. А порой она издавала звуки, напоминавшие сладостные стоны, и тогда по её телу пробегала дрожь неизъяснимого блаженства. «Вот она волшебная сила искусства!» – думал Аполлон, внимательно наблюдавший за своей возлюбленной. Он очень гордился произведённым эффектом. Явившись в тот вечер в спальню принцессы, он без конца разглагольствовал о священной гармонии музыкальных звуков, преображающих человеческую душу. Прекрасная Коронида, лёжа на низкой софе, рассеяно прислушивалась к его голосу, а на губах её играла загадочная улыбка. Её верные рабыни были тут же. И

вот какие удивительные вещи творились перед их глазами: все присутствующие, да и сам Аполлон (бросавший иногда самодовольные взгляды на своё отражение в зеркале), не находили в его облике никаких изменений; они же ясно видели, как на затылке прекрасного олимпийца появились и быстро отросли двое аккуратненьких рожек. Чем была вызвана эта поразительная иллюзия, неизвестно. Наверно, её также следовало отнести на счёт волшебной силы искусства.

Добившись своего один раз, Коронида не пожелала останавливаться на достигнутом. На другой день она велела повару приготовить на ужин свиные ножки с варёным горохом. Блюдо получилось отменное. Принцесса изволила попросить добавки. Вечерние часы она провела, прогуливаясь по дворцовому саду, а потом отправилась в спальню. С заходом солнца в её опочивальню явился Аполлон, разряженный по своему обыкновению в пух и прах. Как и полагается галантному кавалеру, он покрыл поцелуями пальчики возлюбленной, а потом улёгся рядом с ней под красивым узорчатым покрывалом. Коронида вскорости задремала, зато Аполлон никак не мог сомкнуть глаз. Его чуткое музыкальное ухо ловило в ночной тишине какие-то странные, непонятные звуки. Он не мог в точности установить их происхождение, но твёрдо знал, что они не напоминают ему ни игру лиры, ни сладостные переливы свирели. В тоже время его тонкий аристократический нос обонял непривычные запахи. Аполлон не знал, откуда они доносятся, но был совершенно уверен,

что это не аромат садовых роз.

Проворочавшись битый час, он тихонечко позвал Корониду.

– Да, милый? Что-то случилось? – отозвалась она.

– Мне кажется, что в комнате немного душно, – признался серебролукий сын Зевса, – и вот, что я думаю, дорогая: может, мне пойти и поспать на балконе?

– Делай так, как тебе удобно, милый, – согласилась Коронида, – я сама немножко не в себе. Сейчас позову служанку: пусть она сделает мне притирание.

Так они и поступили. Аполлон улёгся на балконе, а Коронида поманила к себе Исхия. Проказник прекрасно знал, чего от него ждали. Он юркнул под покрывало, на место, где незадолго до того лежал его предшественник, и устроил своей госпоже такое притирание, что совершенно прогнал у неё остатки сна. Первым делом принцесса взобралась сверху на своего любовника и исполнила сидя на нём танец захмелевшей вакханки. Потом она повернулась к Исхию задом и изобразила дикую фессалийскую кобылу, приманивавшую к себе гулящего жеребца. А под конец, обратившись друг к другу лицами и крепко обнявшись (колени Корониды сжимали при этом бёдра Исхия), они показали любопытной луне, как качается под порывами ветра чёрная лаконская ива.

Между тем Аполлон ворочался в пяти шагах от них на жёстких мраморных плитах. Шум, непонятная возня и приглушённые смешки, доносившиеся из открытого окна, не

давали ему сосредоточиться на созерцании великолепного звёздного неба.

– Любимая, – позвал он, – не желаешь присоединиться ко мне? Мы могли бы вместе полюбоваться Млечным Путём, а потом встретить ранний рассвет?

– Я бы с удовольствием, милый, – отозвалась Коронида, – но служанки как раз натирают меня настойкой сильфия. Ночная свежесть может оказаться для меня небезопасной.

Серебролукий Феб вскоре задремал, убаюканный мерным поскрипыванием ложа, раздававшимся из спальни. Проснувшись поутру, он спустился в сад, набрал целый ворох лилий и явился с ними в спальню принцессы. Бедняжка спала тревожным сном на сбившихся, измятых простынях. Видно было, что судьба послал ей трудную ночь: волосы Корониды были перепутаны, под глазами спрятались глубокие тени, вокруг губ и над бровями дрожали капельки пота. Девушка тяжело, прерывисто дышала и произносила в полусне чьё-то имя. Аполлон долго вслушивался в её бормотание, но так и не смог понять, о ком она говорит. Одно он знал определённо: это имя было не его.

На следующий день, после завтрака, Коронида объявила:

– А сегодня пойдём гулять в лес!

Идея принцессы всем пришлась по душе. Аполлон в особенности был ею доволен.

– Мы должны быть ближе к первозданной природе! – заявил он. – Поскольку она есть неистощимый источник вдох-

новения для любой творческой личности.

– Очень славно, милый! – отозвалась Коронида. – Но попрошу тебя: не бери с собой кифару. Мне хочется просто побегать и поиграть.

И вот они уже в пути. На лугу все набрали цветов и сплели себе венки из душистых нарциссов. Когда дошли до платановой рощи, девушки затеяли игру в «хромого сатира». Аполлону подвязали одну из ног, и он запрыгал на другой вслед за убегающей Коронидой. Вот-вот он настигнет её! Однако в последний момент принцесса с весёлым смехом выскользнула из рук своего наречённого. Что до Аполлона, то он с размаху проскочил несколько вперёд и кубарем скатился на дно глубокого оврага. Бултых! Нежноголосый небожитель по самую макушку погрузился в вонючую грязь, оставшуюся здесь с зимы. Ну и вид был у бедолаги, когда он выбрался обратно на поверхность! Даже самые вышколенные и серьёзные из придворных дам не могли удержаться от лёгкой улыбки.

– Мне очень жаль, милый, что так получилось! – воскликнула Коронида, но не беда: на обратном пути искупаемся в речке.

Незадачливого сатира обтёрли полотенцем и усадили играть в «рукогрейку». Оборотившись ко всем спиной, он должен был определить того, кто его ударил. Едва дали сигнал к началу игры, бедняге от души надавали увесистых тумачков. Но каждый раз, когда он называл имя той, что погрела об

него руки, в ответ раздавался дружный смех – увы, он ни разу не отгадал.

– Ладно, довольно, – закричала Коронидв, – теперь поиграем в прятки!

Аполлона повернули лицом к сосне и заставили считать до ста. Тем временем все разбежались кто куда. Каждый искал место поукромнее. Принцесса схватила Исхия за руку и затащила в маленький уютный грот, вход в который скрывался в густых зарослях мирта и олеандра. На полу пещерки было полно сухой прошлогодней травы, словно специально приготовленной для них.

– Ух, ты! – прошептала Коронида, озорно поблёскивая глазами, – вот славное местечко для любовных утех.

С этими словами она с силой толкнула Исхия на стог сена, а сама прыгнула на него сверху, словно изголодавшаяся кошка.

Тем временем Аполлон старательно досчитал до ста и строго предупредил:

– Раз, два, три, четыре, пять! Я иду искать!

Он хотел оторвать лицо от сосны, но не тут то было! Накануне кто-то сделал на стволе глубокие зарубки. За ночь они затекли свежей смолой. В результате длинные волосы Аполлона, его брови, борода и усы крепко приклеились к дереву и ни за что не желали отлепляться. Понадобилось приложить героические усилия, прежде чем он вновь получил возможность двигаться. И свобода стоила ему изрядных жертв!

Значительная часть волос Аполлона так и осталась на дереве, все его руки были в ссадинах, а он сам с ног до головы перемазался в смоле.

Между тем Исхий и Коронида не теряли драгоценных минут впустую. Принцесса приподняла у возлюбленного нижний край его хитона и затеяла шутливую возню с его сонным богатырем.

– Что я вижу, добрейший господин лежебока, – со смехом говорила она, – вы решили вздремнуть? Как вам не стыдно! Вы забыли, что вас ждёт одна маленькая, одинокая скромница?

– Не пеняйте ему слишком строго, ваше высочество, – отвечал Исхий, – он обязательно исправится!

И действительно, стоило только его подразнить, спящий единорог поднялся, выпрямился во весь рост и занял боевую стойку. Сразу чувствовалось, что он тот ещё задира! Однако маленькая скромница ничуть его не испугалась. Она ведь была храбрая особа и живо сбивала спесь даже с самых лютых хищников!

Принцесса опрокинулась на спину и раздвинула колени. Исхий приладилсся сверху и уже начал тихонько бодать свою подружку, как неподалёку послышался голос Аполлона:

– Та-та-та, – говорил он, – и где все попрятались? Занесла меня нелёгкая в этот лес!

– Тс-с, – прошептала Коронида.

Да куда там! Когда Исхий приходил в любовный пыл, на-

тягивать вожжи и кричать ему «тпр-у» было бесполезно. Со-
трясаясь под его ударами, принцесса сунула в рот ладонь и
прикусила чуть не до крови большой палец левой руки –
только так удалось ей заглушить рвавшиеся из груди стоны.

В то время как любовники тонули в волнах нахлынувшего
блаженства, Аполлон, стоя неподалёку, растеряно крутил
головой.

– Наверно, они укрылись в овраге! – решил он и отпра-
вился прочь.

Дочка Флегия и её мнимая служанка с облегчением пере-
вели дух.

– Подожди немного, а потом выходи! – велела Коронида
Исхию. Сама она быстро оправила одежду и, осторожно вы-
бравшись из грота, побежала к сосне.

Через минуту над лесом разнёсся её серебристый голосок:
– А я выручилась, а я выручилась! Не видел, как я проби-
ралась? Ах, ты мой, глупенький!

Обхватив голову Аполлона, она одарила его горячим по-
целуем! Прихрамывающий небожитель (пробираясь сквозь
кусты, он пребольно ударился коленом о пень) был глубоко
тронут этой нежностью. «Вот так штука! – подумал он про
себя, – признаться, затея с играми мне поначалу не понра-
вилась, но теперь я точно знаю, что это был самый восхити-
тельный день в моей жизни! Всё-таки девственная природа
творит с нашими сердцами чудеса».

Закончив своё повествование, титан с усмешкой взглянул

на Геру.

– Зачем ты рассказал эту непристойную историю? – спросила богиня. – Хотел убедить меня, что наш Аполлон полный осёл? Я уже сама давно об этом догадалась.

– И совсем не ради этого, – возразил Прометей. – Теперь ты знаешь, что Коронида исполнила своё обещание. Пришла очередь Иксиона. Он поклялся сделать рогоносцем одного из олимпийцев, и если ты не против, готов сыграть эту шутку с самим Зевсом.

– Вижу, что ты невысокого мнения обо мне, Прометей, если предлагаешь подобные глупости, – надменно промолвила Гера. – Я, великая богиня, не собираюсь вести себя подобно дурашливой принцессе, которая не знает, куда себя деть от скуки! Тебе меня не понять. Главное ведь совсем не в том, чтобы переспать со смазливой мальчишкой. Я хочу отомстить!

– Кузина! – запротестовал титан. – Разве я говорю о заурядной интрижке? Нет! Всё случится именно так, как ты желаешь: Зевс, наблюдая за твоим торжеством, сойдет с ума от ревности. Но главное, когда всё свершится, я сумею обратить твой проступок в шутку. Никто и никогда не посмеет упрекнуть тебя в неверности.

– Если всё произойдет именно так, – криво усмехнулась Гера, – то ты настоящий демон! Изменить на глазах мужа и остаться после такого бесстыдства целомудренной женщиной – ничего подобного я даже вообразить себе не могла!

– Для истинного таланта не бывает ничего невозможно-го! – скромно заметил Прометей и, наклонившись к уху богини, шёпотом поведал ей свой замысел.

Гера внимательно слушала титана, и её лицо постепенно прояснялось.

– Что ж, – промолвила она, – если всё будет так, как ты говоришь, я готова рискнуть. И в самом деле! Ведь я решаюсь на этот шаг не из распутства. Если бы сам Зевс не якшался каждый день со всякими шлюхами, я была бы честнейшей из жен. Он сам виноват, и пусть узнает теперь, что значит быть рогатым!...

Утром, когда Гера возвратилась в олимпийские чертоги, она столкнулась у дверей со своим супругом. Вид у него был виноватый и немного пристыженный. Гордая дочь Крона хотела молча пройти мимо, однако Зевс поймал её за руку и задержал на месте.

– Не спеши так быстро, дорогая, – произнёс он с запинкой. – Ты вчера появилась так внезапно... и при таких... э–э... обстоятельствах, что могла кое в чём ошибиться... то есть, истолковать превратно. И поэтому... э–э... нам просто необходимо с тобой объясниться

– Какой смысл в пустых разговорах! – надменно отвечала Гера. – Я устала от вечного вранья!

– Не понимаю, о чём ты, – возразил Зевс. – Я ведь сам оказался вчера в некотором роде жертвой. Вот я и подумал...

– Я не отдам тебе этой коровы! – топнула ногой Гера. –

Даже не мечтай!

Лицо Зевса побагровело, в глазах сверкнула молния.

– Да чтоб тебе провалиться! – рыкнул он.

Но, вспомнив подробные наставления, которые дал ему Гермес, тотчас же поправился:

– То есть, я имею в виду эту тёлку, дорогая... Чтоб ей провалиться вместе со всеми её ...э–э... потрохами.

Дочь Крона смотрела на него, сердито сдвинув брови.

– Я веду к тому, – продолжал Громовержец, что мы слишком часто ссоримся по пустякам, а ведь нам следует слушать...э–э... образцом для других... И вообще, мы могли бы гораздо лучше проводить время. Почему, к примеру, не отправиться в гости и не повеселиться немного...э–э... в кругу друзей?

– Ты имеешь в виду своих потаскушек?

– Ну что ты! – замахал руками Зевс, – как ты могла подумать?... Да у меня и нет никаких потаскушек. Я говорю о приличной компании... Царь Флегий приглашает нас на вечеринку. Будут Аполлон, Прометей, Посейдон с супругой... Словом все свои.

Гера глубоко задумалась.

– Досужие сплетники распространяют обо мне всякие небылицы, – промолвила она. – Говорят, что я злая гордячка и занудная стерва, с которой даже пошутить толком нельзя...

– Ну что ты такое выдумываешь! – запротестовал Зевс. – И вообще, стоит ли...

– Я знаю, что это так! – перебила Гера. – Клевещут также, что младшая дочка Крона начисто лишена чувства юмора! От этого, дескать, ты и водишь компанию со всякого рода сомнительными красотками. Но ведь это неправда, мой любезный брат! Согласись, что я тоже люблю пошутить и повеселиться!

– Конечно! – отвечал Зевс, хотя и не очень уверенно.

– Прекрасно, что мы хоть в чём-то с тобой согласны! Так я не ослышалась? Ты зовёшь меня на пир к Флегию? И мы будем там без всяких церемоний?

– Пусть этикет остаётся на Олимпе!

– Что ж, я принимаю твоё приглашение! Забыв о ссорах и обидах, проведём роскошный вечер в кругу друзей, как это и полагается блаженным небожителям...

5

Любое место, которое почтут своим присутствием боги, должно быть достойно их, хотя бы они и провели там всего несколько часов. С самого утра во дворце Флегия дым стоял коромыслом. В ожидании высоких гостей рабы чисто вымыли полы, выскребли столы и тщательно осмотрели столовое серебро. Из глубин подвала извлекли бочонок с самым лучшим и старым вином. Главный повар колдовал у плиты, и двенадцать поварят, исполняя его указания, буквально сбились с ног. Музыканты, отданные под начало Аполлону, стояли на улице, готовые заиграть по первому знаку.

Едва в небе появилась колесница, увлекаемая четвёркой

крылатых коней, кифареды дружно ударили по струнам. Квадрига сделала приветственный круг над дворцом, а затем приземлилась прямо посередине широкого мощёного двора. Оказалось, это прибыл Посейдон со своей женой Амфитритой. Бог морей был тучный, невысокий мужчина, с чрезвычайно густой длинной бородой, которая росла у него, казалось, от самых бровей и ушей. Он был облачён в тиковую эксомиду, наброшенную по случаю жары прямо на голое тело. Его и без того румяное лицо покраснелось от стремительной скачки, а также от двух кубков доброго вина, которые Посейдон опрокинул на дорожку; в глазах горели лихие огоньки.

– Видишь, – громко обратился он к почтительно склонившемуся перед ним Флегию, – я приехал к тебе запросто, без всяких церемоний! И ты, будь добр, гони в шею всякое глупое чванство! Будем по-семейному на короткой ноге.

С этими словами Посейдон хлопнул царя по плечу, расцеловался с царицей, игриво ущипнул за бедро зардевшуюся Корониду и потрепал по щеке принца Иксиона. Вслед за ним с членами царской семьи расцеловалась Амфитрита. Как и её супруг, она была невысока ростом, но легка, жива и грациозна. Не отягчая себя чрезмерными нарядами, богиня не надела ничего, кроме расшитого узорами эпомиса из тонкой шерстяной материи, изящно облегавшего и эффектно подчёркивавшего каждый изгиб её прекрасного тела. Чёрные как смоль волосы Амфитриты были собраны в пучок на

затылке и перетянуты двумя узкими ленточками, её большие изумрудные глаза искрились усмешкой, на губах то и дело расцветала улыбка, а на щеках появлялись две очаровательные ямочки.

– Очень мило, что вы нас пригласили, – заметила она Флегию. – На дне морском сейчас царит ужасная скука: все разъехались кто куда, никто из сестёр не принимает, пиров и танцев совсем нет. Ну а как твои дела, шалунья?

Последний вопрос относился к Корониде. Морская царица с очаровательной непринуждённостью ухватила Корониду за уши, повернула её к себе лицом и пытливо посмотрела в глаза.

– Ну что твой дружок, наш милый Аполлончик? С тех пор, как он протоптал тропинку в твой сад, я не видела его целую вечность!

– Он очень любит меня, богиня, – серьёзно отвечала Коронида. – Он так добр и так заботлив, что я постоянно ощущаю его внимание.

– Бедняжка, – со смехом отвечала Амфитрита, – внимание Аполлона дорогого стоит! Но ты ему не потакай. Все мужчины ужасные деспоты! Они мечтают лишь о том, как упрятать нас в гинекею и завалить работой. Словно единственное предназначение женщины это ткать и без конца рожать детей!

– Летят! Летят! – громко закричал мальчик, стоявший на дворцовой крыше.

Амфитрита поднесла к глазам ладонь и посмотрела из-под неё вдаль.

– А вот и наш дорогой деверь! – пробормотала она вполголоса. – И с кем это он? Неужели со своей законной половиной? Вот так новость!

Богиня не ошиблась. Это действительно пожаловали Зевс и Гера. Их встретили громкими приветствиями и криками «слава!». Дочь Крона была облачена в пурпурный пеплос из кручёного полотна, подпоясанный на талии и ниспадавший мягкими складками до самых пят. Её белокурые волосы были собраны низкими продольными волнами и соединены узлом на темени. На Зевсе красовался длинный тёмно-синий гиматион. Оба выглядели величественно, но старались держаться просто.

– Друзья! – промолвил Зевс, – у каждого из нас есть дела и заботы, но уговоримся между собой, что, войдя в этот дворец, мы оставим их у порога. И пусть меня первого покарают штрафным кубком, если я скажу за вечер хоть одно серьёзное слово.

– Хорошо придумал, братец! – закричал Посейдон. – Дай тебя расцелую. А ты, сестрица, уж больно хороша сегодня! Клянусь грудной подвязкой нашей матушки Реи, это неспроста!

Гера, которая как раз обменивалась долгим взглядом с Иксионом, покраснела до корней волос. К счастью, этого никто не заметил, так как мальчик на крыше опять закричал:

«Летят! Летят!» Одна за другой возле дворца приземлились сразу две колесницы. На первой прибыл Прометей со своей невесткой Пандорой, со второй спрыгнули на землю Гермес и его подружка Хиона.

Все гости были в сборе, и Флегий предложил им пройти во дворец. Боги, взяв под руку своих спутниц, чинно отправились следом за царём. Впереди шли Зевс и Гера, за ними – Посейдон и Амфитрита, затем Прометей с Пандорой, Аполлон с Коронидой и Гермес с Хионой. Шествие замыкал Иксион в обнимку с какой-то длинноногой девицей. В красиво убранной зале, полы которой были застланы коврами, гости сняли обувь. Расторопные рабыни вымыли всем ноги и проводили каждую пару к её богато убранному ложу. Рабы внесли столы с лёгкими закусками. Кифареды, посовещавшись между собой, ударили по струнам. Зазвучала напевная музыка. Пир начался.

Пока не наладился общий разговор, кавалеры, всяк на свой лад, развлекали соседок. Амфитрита отказалась брать еду со стола своими руками, Посейдон подносил куски к её рту, она же пыталась ухватить их губами и заразительно смеялась при каждой неудаче. Аполлон насвистывал Корониде какой-то шутливый мотивчик. Гермес, взяв руку Хионы, предсказывал ей её будущее. Иксион забавлялся тем, что скатывал из хлеба шарики и, подкинув их под потолок, старался поймать ртом. Но более всех поразил Геру Прометей. Отвернувшись от невестки, он некоторое время рассе-

янно смотрел по сторонам, затем, внезапно повернувшись к ней, невероятным образом выпучивал и выкатывал свои глаза. При виде этой гримасы, Пандора начинала хохотать как безумная, и один раз едва не свалилась с ложа. «Вот что значит веселиться от души», – подумала про неё дочь Крона. Сама она с интересом ждала, каким образом поведёт себя её муж. Оказалось, он тоже имел в запасе парочку забавных фокусов.

– Посмотри-ка сюда, дорогая, – попросил Зевс и поднял вверх ладони.

В тот же миг две серебряные плоски спрыгнули со стола и исполнили в воздухе перед ними танец с прыжками и разворотами.

– Очень мило! – похвалила богиня, – я и не знала, что ты умеешь такие вещи!

– Это что! – подмигнул Зевс, – я умею кое-что получше! Он повернул ладонь в сторону жены и щёлкнул пальцами. Золотая булавка, скреплявшая на её левом плече хитон, вылетела вон и тотчас оказалась в его руках.

– Ой! – вскрикнула Гера, почувствовав, как тяжёлая ткань, обнажив грудь, скатывается с плеч. Шутка ей поначалу не понравилась, и она хотела рассердиться, но потом передумала. «Что ж, – сказала она себе, оправляя одежду, – пусть и другие знают теперь, что мои груди не хуже, чем у некоторых!»

Увидев, что гости утолили голод, Флегий сделал знак при-

служникам. Те быстро убрали столы с закусками и вынесли новые – с десертом. Двое рабов поставили рядом с царём внушительных размеров акратофор с неразбавленным вином. Все присутствующие украсили головы венками из алых роз. Виночерпий смешал в кратере вино с холодной водой и наполнил кубки.

– Друзья! – провозгласил Флегий, приподнимаясь на своём ложе, – по праву хозяина дома я предлагаю первый тост. Есть немало глупцов, которые ворчат, проклиная несовершенство мира. Но мы с вами, конечно, не из их числа! Пока в наших кубках играет вино и пока нас окружают прелестные женщины, мы не устанем радоваться жизни и будем без конца славить нашего великодушного владыку. За Зевса!

Тост был встречен радостными возгласами. «Многие лета!» – кричали одни. «Здравствуй!» – вторили им другие. Скрытые на верхней галерее певцы затянули пеан. «Здравствуй и пей!» – закричал со своего ложа Посейдон. Громовержец принял из рук слуги двуручный скифос и осушил его до дна. Остальные последовали его примеру. Гера также пригубила свой кубок. Вино, сладкое и немного терпкое на вкус, показалось ей очень вкусным. «Каково связаться со смертными! – с усмешкой подумала она. – Нектар и амброзия нас уже не веселят. Нет! Подавай что-то экзотическое, а то и пир нам не в пир». Поставив на стол пустой кубок, она почувствовала, как по телу разлилось тепло, а в голове приятно зашумело. Гости заметно оживились. Царь дал знак, и на се-

редину залы выбежали две девушки-танцовщицы. Под звуки флейты и звон кимбалона они исполнили короткий изящный танец. Тем временем слуги вновь стали наполнять чаши.

– Стойте! – остановила их Амфитрита. – Я знаю, что мужчины готовы пить не переставая. Но у нас впереди целая ночь, и незачем так спешить. Давайте сыграем в фанты!

– Фанты! Фанты! – закричали все.

Жена Флегия отвязала от пояса атласный мешочек для костей и пустила по кругу. Каждая гостя опустила в него какое-то из своих украшений: Амфитрита – серьги, Коронида и Хиона – браслеты, Пандора – кольцо, а длинноногая соседка Иксиона – свой пояс. Гера решила пожертвовать прической и отдала заколку для волос. Когда все фанты были собраны, вызвали из задних покоев красивого мальчика, который стал вновь извлекать их на свет божий.

– Итак, – спросил Флегий, – кого неумолимый рок послал нашему могущественному повелителю?

Мальчик не замедлил с ответом и бросил на стоявшее перед ним золотое блюдо серьги Амфитриты.

– А неотразимому владыке морей?

Мальчик поднял над головой браслет Корониды... Не прошло и минуты, как все фанты были распределены. Соседка Иксиона перешла под покровительство Аполлона, Хиона по-прежнему осталась с Гермесом, сыну Флегия досталась Пандора, а заколка Геры выпала Прометею. Мужчины покинули ложа и перебрались к своим новым избранницам.

– Ну, вот кухня, – заметил Прометей, укладываясь на место Зевса, – теперь начинается самое интересное.

«Забавно! – подумала Гера, – что он имеет в виду?» Дочери Крона не пришлось долго гадать на этот счёт. Оказавшись на ложе рядом с Зевсом, Амфитрита схватила кубок и закричала:

– Тост! Тост! Я должна сказать тост!

В пиршественной зале воцарилась тишина.

– Наш радушный хозяин говорил что-то о несовершенстве мира, – с усмешкой произнесла богиня, – мне трудно рассуждать об этом, да я и не хочу забивать подобными пустяками свою маленькую головку. Какое нам дело до всего мира, если судьба даровала нам сегодня самых прекрасных мужчин, какие только есть на небе, в море и на земле? Давайте выпьем эту чашу за наших божественных любовников, и за самого первого среди них – Зевса!

Осушив кубок, Амфитрита кинула его слуге, потом обвила руками шею Громовержца и поцеловала его прямо в губы. Подобная вольность до крайности возмутила Геру.

– О чём бормочет эта сушёная селедка? – прошептала она, обращаясь к Прометею. – Куда только смотрит её муж? Или он решил уподобиться оленю, который скидывает старые рога лишь для того, чтоб тотчас отрастить новые?

– Что ты такое говоришь, кухня? – со смехом отвечал сын Иапета. – Если бы Посейдон был суровым ревнивцем, ему бы пришлось вечно смотреть за одной только своей женой.

Как мог бы он тогда замечать красоту других женщин?

— Пусть он повнимательнее всмотрится в лица своих детей, — ядовито заметила Гера. — Боюсь он не найдёт в них сходства с собственной физиономией. Зато они очень похожи на некоторых из его друзей!

Её ответ так развеселил Прометея, что он едва не поперхнулся вином. Остальные гости также не страдали от скуки. Они беззаботно болтали о разных пустяках и рассеяно наблюдали за тем, как посредине залы кувыркалось несколько жонглеров. Девиде, возлежавшей рядом с Аполлоном, этого показалось мало. Она соскочила с ложа и принялась отплясывать какой-то варварский танец, выбрасывая при этом в стороны ноги и выворачивая замысловатым образом руки. Не сшитый и не подпоясанный хитон распахивался на ней до самого пупка, открывая посторонним взорам гораздо больше того, что могла позволить себе самая невзыскательная скромность. Наконец девица устала и очень довольная вернулась обратно к своему кавалеру. Гости наградили бесстыдницу громкими аплодисментами, хотя (подумала Гера) её скорее следовало отстегать по голой заднице.

— Фанты, Фанты! — закричала опять Амфитрита и первая бросила в хозяйский мешочек заколку своего эпомиса. Распущенная ткань сползла с плеча, обнажив её правую грудь, но подобный пустяк несколько не волновал богиню. Она ведь свято верила в неотразимую силу своей красоты и считала, что откровенный костюм несколько ей не повредит.

Гера отдала мальчику серёжки. Остальные женщины также расстались с каким-то из своих украшений. Только Коронида пожелала вручить в качестве фанты свой свитый из золотых нитей пояс.

– Замечательно! – процедила сквозь зубы дочь Крона, – наша скромная принцесса правит в те же ворота, что жёнушка Посейдона! Впрочем, она уже столько раз развязывала свой пояс перед первым встречным, что её невинность давно истёрлась до дыр.

Тем временем фанты один за другим были извлечены наружу. Неведомый рок по-новому перетасовал гостей таким образом, что Хиона досталась Посейдону, Пандора – Аполлону, Коронида – Прометею, длинноногая девица сделалась соседкой Гермеса, Амфитрита осталась с Зевсом, а Гере выпало лежать с Иксионом.

– Вот видишь, кузина, – заметил Прометей, – сама судьба бросает тебя в объятия прекрасного принца.

– Разве я похожа на тех дешёвых шлюх, что вечно просятся в чужих постелях? – сердито спросила Гера. – Мне известно: они любят ссылаться на судьбу. Но я им совсем не пара. Поэтому, братец, зарубите на своём носу: если я и окажусь в чьих-то объятиях, то лишь потому, что сама этого захотела!

Прометей, ничего не ответив, перебрался на ложе Корониды. Освободившееся место тотчас занял Иксион. Принц был явно не в себе. Его пальцы были холодны, словно снег с

вершины Олимпа, а тонкие, подрагивающие губы кривились в глуповатую улыбку. На лице застыло робкое и в то же время нагловатое выражение, как будто он хотел сказать: «Понимаю, что мои надежды чересчур дерзки, но мне обещали, что они непременно осуществятся!»

Посмотрев в его глаза, Гера возмущенно передёрнула плечами. «Я чувствую себя уличной женщиной, которой уплатили вперёд за то, чтобы она переспала с невинным мальчиком!» – с отвращением подумала дочь Крона. Она готова была выбежать вон из залы и умчаться прочь с ненавистного ей пира. Но тут богиня взглянула на ложе Амфитриты и заскрипела зубами от бешенства. Её похотливый муженёк и негодная потаскушка лежали в объятиях друг друга и ворковали, как два влюблённых голубка! Одной рукой Зевс слегка сжимал пальчики соседки, а другая, потянувшаяся за кубком, застыла, не достигнув цели, на её обнажённой груди. Их губы почти что сливались в поцелуе, и ноздри Зевса, жадно вдыхавшего запах волос Амфитриты, подрагивали от возбуждения. Когда виночерпий протянул Гере кубок, она с трудом подавила желание швырнуть его в голову прелюбодейке. Но вместо этого она судорожно облизала сухие губы, и, не слушая заздравных речей, несколькими большими глотками выпила всё своё вино. Затем, повернувшись к Иксиону, она спросила без обиняков:

– Я тебе нравлюсь?

Физиономия принца расплылась в довольной улыбке и

сделалась от этого ещё глупее.

– Я безмерно восхищаюсь тобой, царица! – напыщенно произнёс он. – Твои лучистые глаза, твои коралловые зубы, твои чудесные ланиты, – всё это сводит меня с ума! Жду не дождусь той минуты, когда смогу доказать тебе силу моих чувств.

«Это означает, – сказала себе Гера, – что он готов запустить руку под мой подол». Выпитое вино неожиданно ударило в голову, в ушах зашумело. Пиршественная зала поплыла перед ней плавными кругами. Стараясь унять головокружение, богиня сжала ладонями виски и закрыла глаза. «Боже! Какой болван! – подумала она о сыне Флегия. – Сама царица богов решила подарить ему свою любовь, а он сыпет плоскими комплиментами, словно я какая-нибудь тупоголовая погонщица мулов».

Между тем царь заметил, что гости устали от застолья и не прочь немного передохнуть. Возвысив голос, он предложил желающим пройти в сад или в приготовленные для них покои. Его приглашение оказалось очень кстати.

– Мне как-то не по себе, Иксион, – промолвила Гера. – Проводи меня в опочивальню и... что это ты говорил о своих чувствах?

Принц соскочил с ложа, галантно подал богине руку и повёл её прочь из зала. Выходя, Гера оглянулась и увидела, как Зевс с Амфитритой скрылись в противоположных дверях. Вид этой милой парочки всколыхнул в её душе мучительную

ревность.

– Что ж, – пробормотала Гера, – клянусь Стиксом, я готова была пощадить Зевса, но он в очередной раз пренебрёг мною. Тем хуже для него!

Следует сказать, что упреки Геры были справедливы лишь отчасти. Отправляясь на пир и приглашая с собой жену, Зевс вовсе не думал с кем-либо флиртовать. (Да это было бы и не разумно в его положении!) Выпить пару-другую кубков хмельного вина и поговорить по душам с Герой, – вот и всё, что он предполагал сделать. Однако игра в фанты спутала Громовержцу все планы. Оказавшись за одним столиком с Амфитритой, он не мог не податься обаянию этой эффектной и весьма темпераментной богини. А она, по своему обыкновению, не преминула испытать на царе богов силу своих колдовских чар.

Выйдя из пиршественной залы, Зевс тотчас обнял свою спутницу, но она ловко выскользнула из его рук и быстро избежала вверх по лестнице. Громовержец хотел уже броситься следом, но тут появился раб с факелом.

– Твои покои, о величайший, прямо по коридору, – объявил он подобострастно кланяясь.

– Очень хорошо! – внушительно промолвил сын Крона. – Но как нам быть с царицей?

– Прошу тебя, дорогой деверь, не беспокойся обо мне, – улыбаясь и словно подраживая его, отвечала Амфитрита.

Она стояла на верхней площадке лестницы, облокотив-

шись на перила и слегка покачивая в воздухе очаровательной босой ножкой. Багровые отблески горящего факела плясали на её точёных плечах и на смуглой, по девичьи крепкой груди, на которой, подобно маленькому бутону розы, алел очаровательный сосок. Короткий, спускавшийся мелкими складками эпомис, обрисовывал чувственные бёдра. Восхищенный Зевс глядел на невестку снизу вверх, раздувая от нетерпения ноздри, словно горячий жеребец, почувствовавший запах любимой кобылы.

– Я обязательно навещу тебя, царица, – пообещал он.

– Не знаю, сумею ли я развлечь тебя, деверь, – скромно потупив шаловливые глаза, промолвила Амфитрита. – Однако могу предложить тебе партию в кости.

– Это ты замечательно придумала! – согласился Зевс.

На этом они расстались, но ненадолго. Отделавшись от слуги, Зевс, прыгая, как школьник, через две ступеньки, взбежал на верхний этаж и с замирающим сердцем толкнул дверь амфитритовых покоев. Дочка Нерее сидела, подобрав ноги, на высоком ложе и держала в руках золотой стаканчик-басин. На коленях её лежала доска-абакс с поблёскивавшими на ней изумрудными (под цвет глаз) костями. По обе стороны от ложа возвышались два массивных серебряных лампадария. На каждом висело четыре или пять ярко горевших масляных ламп. Потоки света заливали комнату, не оставляя в ней ни одного укромного уголка. Между тем, ставни были сняты, и любой, кто находился сейчас в проти-

воположном крыле дворца (все окна выходили во внутренний двор), мог видеть происходящее в комнате так же хорошо, как будто сидел прямо на подоконнике. Более неподходящей обстановки для тайного любовного свидания трудно было вообразить.

– Что это значит, моя милая? – удивился Громовержец.

– Я хотела сыграть в кости и, как видишь, жду тебя с нетерпением.

Озадаченный Зевс присел на краешек ложа. Амфитрита ссыпала изумруды в басин, встряхнула несколько раз и спросила:

– Итак, деверь, на что мы будем играть?

– На желание! – предложил Громовержец.

Амфитрита скорчила гримаску.

– Это слишком скучно! Мужские желания известны мне наперечёт – все всегда стремится к одному и тому же, и одно есть вечная цель всего остального! У меня родилась идея получше. Каждый раз во время пира мы, женщины, соблазняем вас, играя в фанты. Одна обнажит до бедра свою ножку, другая – плечико, третья – грудь. Вы смотрите и млеете от удовольствия, а мы, бедняжки, как всегда, остаёмся ни с чем. Давай переменим правила и сыграем на равных, и пусть мой эпомис встанет на кон против твоего гиматиона!

Зевс от души рассмеялся.

– И ты всерьёз веришь, что это будет лучше?

– Да, ведь тот, кому повезёт, получит больше, чем просто

одежду, а у проигравшего отнимется только кусок ткани.

– Я согласен!

Положив перед деверем абакс, Амфитрита бросила на него кости.

– Десять! – воскликнул Зевс.

– Слишком мало для победы! – с сожалением заметила царица. – Теперь твоя очередь.

Сын Крона долго сотрясал басин и наконец высыпал его содержимое.

– Четырнадцать!

Амфитрита медленно поднялась на ложе и расстегнула вторую застёжку. Тяжёлая ткань с шуршанием скользнула вниз с её плеч, груди, бёдер и ворохом собралась вокруг ступней. Богиня шагнула в сторону, ловко подцепила эпомис носком ноги и бросила его Зевсу.

– Держи свой выигрыш, деверь!

Чтобы он мог лучше оценить её красоту, дочь Нерее встала возле лампадария и заложила руки за голову. Право, ей нечего было стыдиться своей наготы! Такой ладной, безупречно сложенной фигурки Зевс не видел уже давно. Желание, одолевавшее его весь вечер, вспыхнуло с новой силой.

– Ты прелестна, богиня! – воскликнул он в упоении. – Дай вкусить твоей любви, и проси у меня взамен всё, чего пожелаешь.

– Так я могу отыгаться? – спросила Амфитрита. – Спасибо, деверь, это очень любезно с твоей стороны. Вот толь-

ко что мне поставить? Ты так обобрал меня, что не оставил даже клочка материи!

Богиня как будто задумалась на мгновение, но потом махнула рукой и сказала:

– Снявши голову, по волосам не плачут, а тому, кто проиграл оправу от бриллианта, впору бросить на кон сам бриллиант. Что ты скажешь, деверь, если я предложу саму себя?

– Я принимаю твою ставку! – в упоении воскликнул Зевс.

– И во сколько ты меня оценишь? – лукаво поинтересовалась она.

– Будем снова играть на твой эпомис!

Амфитрита удивилась, словно он, не подумав, произнёс ужасную нелепость.

– Играть на эпомис? Ну, уж нет! – заявила она. – Где это видано, чтобы шкурка от граната стоила столько же, сколько сам очищенный гранат? Я скорее вернусь в зал голой, чем пойду на такое унижение.

– Хорошо, хорошо – поспешно согласился Зевс. – Готов прибавить свой гиматион. Итак: две одежды против одного твоего тела.

– Прибавь ещё желание! – напомнила Амфитрита. – Ты ведь только что обещал исполнить любую мою просьбу. Или ты передумал?

– Нет! Я никогда не отказываюсь от данного слова!

Амфитрита опустила на колени и взяла кости.

– Тогда я бросаю?

– Давай!

Изумруды высыпались на абак и подкатились к его приподнятому краю. Семнадцать!

– Теперь мне повезло больше, – заметил богиня. – Но всё решит твой бросок.

Зевс, не глядя, сгрёб кости в басин и тотчас высыпал их обратно.

– Шесть! – крикнула Амфитрита. – Всего лишь шесть! Теперь твоя очередь стоять голышом.

Игра есть игра: если удача от тебя отвернулась, приходится платить! Зевс размотал гиматион и предстал перед Амфитритой во всём своём мужском великолепии. Взглянув на Громовержца, богиня вскрикнула и в изумлении всплеснула руками.

– Ах, деверь! – сказала она растроганно, – и это чудо предназначалось мне? Честное слово, я начинаю жалеть, что выиграла. Если когда-нибудь судьба опять сведёт нас вместе – тебя, меня и его – мы составим славное трио. Но сегодня, увы, не наш день.

Амфитрита подхватила одежду – свою и Зевса – выскочила за дверь, хлопнула её перед носом незадачливого кавалера и повернула ключ.

– Послушай, милый, – шепнула она сквозь щель, – вот моё желание: оставайся в этой комнате, пока тебя не выпустят, и ничего (слышишь, ничего!) не предпринимай. А если тебе станет скучно – посмотри в окно! Это зрелище тебя развле-

чёт.

Богиня быстро облачилась в свой эпомис, оставила у входа в комнату плащ Громовержца, напустила на себя равнодушный вид и как ни в чём не бывало спустилась в пиршественную залу. Отыскав здесь глазами Прометея, она незаметно кивнула ему головой.

Между тем, Зевс был ужасно раздосадован тем, как нелепо завершилось его приключение. Конечно, ему ничего не стоило снести напрочь дубовую дверь, вместе с её шипами и притолокой (также легко он мог разнести и саму каменную стену), но тогда его могли обвинить в нарушении данного слова. Положение выходило глупее некуда: вместо упоительных любовных утех он был обречён торчать голым в окне на потеху всей дворцовой челяди! Сын Крона уныло плюхнулся на ложе, рассеяно взглянул в окно и остолбенел... То, что он увидел, потрясло его настолько, что он даже думать забыл об Амфитрите. И было с чего! Прямо напротив, на том же этаже, но в соседнем крыле дворца, Зевс увидел свою жену в обществе какого-то чужого мужчины. Признаться, из-за волнений последнего часа он совсем позабыл о её существовании. Но, как оказалось, Гера нисколько не тяготилась его отсутствием. Стоя в освещённой ночником комнате, она не торопясь раздевалась перед большим настенным зеркалом. Онемевший от изумления супруг следил издалека за каждым её движением. Вот она расстегнула золотую застёжку, скреплявшую пеплос, сняла его с плеч, расправила и пове-

сила на спинку стоявшего рядом кресла. Потом, также спокойно и невозмутимо Гера развязала пояс и обратилась с каким-то вопросом к неизвестному, стоявшему у дверей в глубине комнаты.

В то же мгновение таинственный совратитель подошёл к его жене, взял её ладонь и порывисто прижал к губам. Это был Иксион! Юноша заметно нервничал. Оно и понятно – происходившее с ним едва ли можно было назвать невинным флиртом! Принц снова скрылся в тёмном углу, а богиня не спеша извлекла булавки хитона, провела рукой по волосам и развязала скреплявшую их ленту. Во всех её движениях не было ничего, что говорило бы о волнении или душевном трепете. Сколько раз, засыпая в своей спальне на Олимпе, Зевс видел те же размеренные, неторопливые движения тонких пальцев, снимающих кольца, извлекающих из ушей серёжки, расплетающих косы. Сколько раз он наблюдал эту ниспадавшую волну белокурых волос, сколько раз провожал глазами ткань хитона, соскальзывающую на пол с её нагого тела. Когда-то очень давно эта картина волновала Громовержца до безумия, но обыденность семейной жизни притупила остроту желания. Он перестал воспринимать Геру как женщину. Прохладная матовая кожа её бёдер, рыжеватый треугольник курчавых волос внизу живота, тонкий неуловимый аромат, исходивший от белых, полных грудей, не будили в его сердце давно угасшего жара. Случалось, он даже засыпал, не дождавшись, пока Гера окончит свой вечерний туалет!

Так бывало, и не раз, в их дворце на Олимпе. Но, увидев, как его скромная, стыдливая жена проделывает то же самое здесь, в чужом доме, перед чужим мужчиной, Зевс был повергнут в настоящий шок. Неужели его Гера, в чьей верности он никогда ни мгновения не сомневался, сейчас, прямо на его глазах, буднично и спокойно отдастся негодяю Иксиону, этому мальчишке, с которым знакома всего несколько часов? Зевсу показалось, что он бредит или одержим кошмаром.

А Гера даже не смотрела в его сторону! Она наклонила голову и что-то сказала своему спутнику. Нечестивый мальчишка, который успел уже избавиться от одежды, подошёл к богине и обнял её. Она же откинулась назад, прислонилась спиной к стене и застыла перед ним с блаженной улыбкой на губах. Иксион сначала истово исцеловал щёки и плечи возлюбленной. Потом, приподнимая одну за другой тяжёлые груди, он принялся ласкать языком её соски. Наконец принц припал ртом к её сокровенному бутону и застыл так, стоя на коленях...

...Зевсу, который взирал на эту картину с большого расстояния, казалось, что он наблюдает страстное свидание любовников. Но, перенесись Громовержец в комнату напротив и подслушай происходивший тут разговор, он мог бы воочию убедиться в том, что видимость вещей далеко не всегда соответствует их сути.

Когда Гера оказалась в предназначенном ей покое и увидела в окне игру, которой Зевс беззаботно предавался в об-

ществе Амфитриты, она так разозлилась, что тотчас успокоилась. Сомнения, донимавшие её в течение целого дня, рассеялись и исчезли в один миг, как исчезает под первыми солнечными лучами туманная дымка на дне горной долины. Дочь Крона вдруг ощутила себя великой распутницей, и это чувство захватило её своей новизной. Зато с Иксионом случилось прямо противоположное. Заметив в окне Зевса, вперившего в него свой грозный сумрачный взгляд, разглядев каменные желваки, ходившие под скулами Громовержца, он вострепетал великим трепетом и едва не пошёл на попятный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.